

ЛОУРЕНС РИС

НАЦИСТЫ

**ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ
ИСТОРИИ**

18+

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Преступления против человечества

Лоуренс Рис

**Нацисты.
Предостережение истории**

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

Рис Л.

Нацисты. Предостережение истории / Л. Рис — «Азбука-Аттикус», 2005 — (Преступления против человечества)

ISBN 978-5-389-14365-4

На протяжении 16 лет Лоуренс Рис встречался с многочисленными очевидцами и участниками событий Второй мировой войны, в том числе и с бывшими нацистами, нашедшими прибежище в разных странах мира, и брал у них интервью. Итогом этой титанической работы стал многосерийный документальный фильм телеканала ВВС «Нацисты: Предостережение истории», который получил целый ряд престижных международных наград и считается одним из самых знаменитых в истории документального кино. Написанная по мотивам фильма книга является самостоятельным и значительным историческим трудом и рассказывает о бесчисленных преступлениях против человечества, совершенных нацистами разных рангов. Существенное место в книге отведено злодеяниям гитлеровцев в ходе войны с Советским Союзом.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-14365-4

© Рис Л., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

От издательства	6
Введение	8
Глава 1	11
Глава 2	28
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лоуренс Рис

Нацисты. Предостережение истории

Copyright © Laurence Rees 2005

© Козлова М., Кальниченко А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

* * *

*Und wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der Abgrund auch
in dich hinein.*

*(И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит
в тебя.)*

Фридрих Ницше, «По ту сторону добра и зла.

Прелюдия к философии будущего»

От издательства

Уважаемый читатель,

перед Вами книга, которая неминуемо вызовет сильные и противоречивые чувства. Она написана видным английским историком, рассчитана изначально на западного читателя и, безусловно, содержит в себе большинство сложившихся на Западе стереотипов в восприятии и оценке событий Второй мировой войны, в том числе и самых драматических.

Автор книги, Лоуренс Рис, много лет проработал креативным директором исторических программ BBC, снял серию научно-популярных фильмов о Второй мировой, написал книги, пользующиеся успехом и опубликованные большими тиражами.

Немало зарубежных зрителей и читателей взглянули на трагические военные события сквозь призму представленных им материалов. Многие российские зрители успели посмотреть программы, снятые на эту тему BBC под руководством Риса.

Мы считаем важным предоставить и нашим читателям возможность ознакомиться с видением нашими союзниками по той войне причин и следствий глобальной катастрофы под названием «нацизм».

Задачи, которые автор ставил перед собой, работая над проектами, безусловно, глубоко гуманистические – развенчание нацизма, осуждение его злодеяний. В книге «Нацисты: Предостережение истории» изложены факты, свидетельствующие о трагических последствиях нацизма не только для тех, против кого была направлена его безжалостная разрушительная сила, но и о катастрофических результатах для самих нацистов, его приверженцев и вдохновителей, для фашистской Германии, где он стал государственной идеологией.

Выразительными художественными средствами автор призывает человечество к бдительности – «научиться проявлять здоровый скептицизм в отношении тех, кто следует за политическими лидерами, руководствуясь «верой».

Но и сам Лоуренс Рис, как один из столпов английской исторической школы, не сумел в полной мере избавиться от безоглядной «веры» в западные ценности и следования идеологическим стереотипам.

Вторая мировая война в контексте книги представляется как «эпическая борьба между нацизмом и коммунизмом». В такой подаче материала невольно происходит смещение акцентов на исключительно идеологические, уходит в тень захватнический, несправедливый характер войны. Все несколько упрощенно сводится к борьбе двух зол между собой. И значит, победа в такой войне может восприниматься как торжество одного из них. Из всех последствий войны как ключевые, судьбоносные выделены: продвижение коммунизма на Запад («разделенная Германия», «советское господство в Восточной Европе») и последующее идеологическое противостояние двух систем (холодная война).

При чтении этой книги, как и при любом прикосновении к истории, необходимо сохранять объективность восприятия. Это не учебник истории, не выверенные энциклопедические сведения, это еще одно видение событий Второй мировой войны, одна из имеющих право на существование интерпретаций, в которой явно ощутима как горячая ненависть к нацизму, так и рефлекторная боязнь коммунизма. Позиция автора, старательно держащегося в тени документальных свидетельств, все же проявляется при внимательном прочтении, и в ней обнаруживается много оценок, не совпадающих с трактовкой исторических фактов в других источниках, в частности ставших для советского, российского читателя каноническими и хрестоматийными. В книге есть и вызывающие сомнения высказывания, и спорные утверждения, даже, пожалуй, некоторая тенденциозность в подборе материала. Один из активно используемых Лоуренсом Рисом приемов – множественное цитирование воспоминаний участников и оче-

видцев описываемых событий при почти полном отсутствии авторских комментариев. Такой подход позволяет автору, с одной стороны, демонстрировать беспристрастность подачи информации, предоставляя читателю возможность самому делать выводы и заключения. С другой стороны, завуалированно воздействовать на читателя, ведь их предстоит сделать на основании фактов, отобранных определенным образом. Большинство из цитируемых воспоминаний по отдельности не вызывают сомнений, но, сведенные вместе, в общей концепции книги они создают картину, в которой советский солдат и советский человек выглядят не совсем и не всегда так, как об этом свидетельствует общепринятая история Великой Отечественной войны.

Приступая к работе над книгой, мы всерьез задавались вопросом: «Нужно ли ее издавать у нас?» Ответ очевиден: если мы с уважением относимся к нашему читателю как способному самостоятельно воспринимать новую информацию, анализировать ее, видеть противоречия и давать им трезвую оценку, необходимо предоставить ему пищу для размышлений, инструменты для более полного восприятия реалий и фактов Второй мировой войны, понимания грандиозности масштаба подвига советского народа.

Мы помним эпоху тотальной цензуры и не хотим ее возвращения.

Сознательное умолчание фактов – преступление против памяти наших героических предков.

Данная книга не может быть отнесена к легкому развлекательному чтению.

Она требует решительности критического подхода, смелости суждений.

Эта книга для читателя вдумчивого, имеющего сложившиеся мировоззренческие фильтры и серьезный интерес к различным историческим и социальным концепциям, умеющего дать им личную оценку. Эта книга – уникальная возможность ознакомиться с одним из наиболее популярных в мире и активно тиражируемых первоисточников, пополнить свой багаж фактов и знаний, независимо и компетентно разобраться в принятой на Западе трактовке событий Второй мировой войны.

Введение

Только оглядываясь назад, ясно видишь истинные очертания жизни. Это столь же справедливо в отношении наших отдельных жизней, сколь и в отношении великих исторических событий. Я, например, представить себе не мог в начале 1990-х, приступая к работе «Нацисты: Предостережение истории», что она станет началом столь долгого пути. Ведь только в процессе работы над фильмом «Предостережение истории» я вполне осознал, какой обширный новый исторический материал сделался доступным в Восточной Европе после падения Берлинской стены. Именно это обстоятельство, а также крепнущее убеждение в отношении того, что невозможно переоценить важность войны Гитлера против Сталина в любой попытке понять образ мыслей нацистов, склонили меня сразу же взяться за другой проект. Поэтому еще несколько лет я писал сценарий, занимался производством и режиссурой фильма «Война столетия» об эпической борьбе между нацизмом и коммунизмом.

Какие очертания приобрела вся эта работа, стало для меня вполне очевидным только теперь. В то время я не видел этого столь ясно. Поэтому я особенно благодарен издательству *BBC Books* за то, что, переиздавая оригинальную работу «Нацисты: Предостережение истории», оно предоставило мне возможность включить в книгу также и большую часть «Войны столетия». Ибо я думаю, что материал «Войны столетия» – в частности, глава «Разновидности войны» – наглядно демонстрирует реальные последствия нацизма. Конечно, во время поездки по России, Белоруссии и Украине, слушая рассказы о нацистской оккупации, я имел возможность глубже вникнуть в сущность миропонимания Гитлера: унылый вид, где сострадание вне закона, а жизнь сводится к дарвиновской борьбе, в которой слабым надлежит страдать, потому что такова их судьба.

Конечно, при включении одной книги в другую, есть потенциальные сложности. Некоторые из них легко исправить – опасности повторения, например, – и я постарался отредактировать текст таким образом, чтобы не говорить дважды одно и то же. Я также обновил содержание в местах, где мое понимание с момента написания оригинального текста изменилось – это, в частности, касается раздела об истоках нацистского «окончательного решения еврейского вопроса». Но при целенаправленном исследовании событий, главным образом, на Восточном фронте, отраженных в многочисленных свидетельствах русских ветеранов, может создаться опасное впечатление, будто бы война на Западе «не сыграла роли».

Я должен подчеркнуть, что такая точка зрения мне совершенно чужда. Я воспитывался на героических рассказах о жертвах британских и американских военнослужащих во Второй мировой войне. Мой отец был летчиком Военно-воздушных сил Великобритании. А мой дядя служил в конвоях на Атлантике и погиб, когда их корабль подорвало вражеской торпедой. Именно для того, чтобы полная картина борьбы западных союзников против нацизма была представлена максимально широкой аудитории, я задумал такие телесериалы, как «Битва за Атлантику» и «От дня высадки до Берлина», а затем как редактор следил за процессом их создания.

Но книга, которую вы держите в руках, о другом. В ней я пытался как можно глубже проникнуть в сущность нацизма. Это не история Второй мировой войны и не повествование обо всех значительных военных решениях в ходе конфликта. Это попытка понять, почему немцы и их союзники совершили то, что они совершили. Именно для достижения этой цели – и только этой цели – я по необходимости, включал материалы из «Войны столетия».

Оглядываясь теперь на проделанную работу, я вижу еще один аспект, в свое время не вполне мною осознанный. Эти книги, а также связанные с ними телесериалы, были основаны примерно на сотне эксклюзивных интервью, многие из которых брались у бывших членов нацистской партии. У меня была возможность встретиться и расспросить людей, которые обо-

жали Гитлера, работали у Гиммлера, воевали на Восточном фронте и совершали зверства в рядах СС. Теперь такая возможность более не доступна для тех, кто придет после меня, – по той простой причине, что большинство людей, с которыми мы беседовали, уже умерли. В разгар процесса производства, когда нужно было вовремя подготовить материал к эфиру, книгу к печати, мне как-то не приходило в голову, что мы делаем нечто исключительно ценное для будущих поколений.

Конечно, с постепенным уходом живых свидетелей отношение к нацизму и Второй мировой войне также будет меняться. Для моего поколения единственным способом разобраться в мире, в котором мы росли, было знать, что произошло во время Второй мировой войны. Разделенная Германия, холодная война, советское господство в Восточной Европе – последствия того конфликта составляли окружающую нас действительность. Но для сегодняшних школьников все совсем иначе. Вспоминаю, дочь одного друга спросила меня, когда ей было семь лет: «Что было раньше: Адольф Гитлер или битва при Гастингсе?» Для ее поколения нацизм – это просто еще один раздел истории, часть огромной мозаики, которую нужно уложить вместе с римлянами, норманнами и Генрихом VIII.

Думаю, вас не удивит, что, с моей точки зрения, Третий рейх – это отнюдь не «просто еще один раздел истории». Я считаю, что изучение нацизма по-прежнему предоставляет нам некий уровень проникновения в состояние общества, которое совершенно отличается от преимуществ понимания некоторых других периодов прошлого. Начать хотя бы с того, что нацисты ходили по этой земле не так уж давно. Они пришли из цивилизованной страны во времена, когда, вслед за Первой мировой войной, в Европе возобладали целый ряд положительных ценностей и представлений о демократии и правах человека. Они все это растоптали, как только достигли власти, в результате ряда выборов, показавших, что большинство немцев, голосуя либо за коммунистов, либо за нацистов, в итоге голосовали против демократии. Учитывая, что в сегодняшнем мире так много очень юных демократий, это серьезный призыв к бдительности.

И есть еще один, даже более важный, урок, который мы должны извлечь из этой истории. Занявшись данной темой много лет назад, я ожидал встретить множество бывших нацистов, которые скажут: «Я совершал военные преступления лишь потому, что выполнял приказы». Однако, если надавить на бывшего нацистского преступника, он с большей вероятностью ответит: «Я тогда считал, что поступаю правильно». И этот ответ пугает гораздо больше, чем заявления о тупом повиновении, которых я ожидал. Бывшие нацисты верили, что их поддержка Гитлера была вполне обоснована конкретными обстоятельствами тогдашнего времени. Они рассказывают о том, какое унижение испытывали от Версальского соглашения в конце Первой мировой войны, а затем в послевоенные годы им пришлось пережить революции и гиперинфляцию, а в начале 1930-х – массовую безработицу и банкротства. Они мечтали о «сильной личности», которая восстановит национальную гордость и победит растущую угрозу коммунизма.

С годами, встречая в работе над фильмами бывших нацистов, я стал понимать, что есть еще иное измерение в их поддержке Третьего рейха, вообще не являющееся «рациональным». Это измерение эмоциональное, основанное на вере. Такое квазирелигиозное измерение нацизма вполне очевидно, и я подробно рассказываю о нем в первой главе книги. Но нам следует также признать, что Гитлер, как политическая фигура, давал этим немцам нечто такое, чего не могли дать другие политические лидеры. Гитлер практически никогда не говорил о таких скучных вещах, как «политическая линия». Вместо этого он предлагал руководство, основанное на видениях и мечтах. Благодаря этому ему удавалось задевать нечто такое, что покоится в глубине человеческой психики. Джордж Оруэлл упоминает об этом в своей знаменитой рецензии на «Майн кампф» Адольфа Гитлера: «...людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о бара-

банах, флагах и парадных изъявлениях преданности»¹. Многим людям также – думаю, Оруэлл согласился бы – нравится представлять себя «высшими» по рождению и сознавать, что катастрофические события в их стране происходят не по их собственной вине, а в результате темного «международного заговора».

Полагаю, что, приступая к данному проекту, во многих отношениях я был очень наивен в понимании человеческих мотивов. Мне казалось, что люди принимают важные решения относительно своей жизни, основываясь на рациональных разумных критериях. На самом же деле решение идти за Гитлером и поддерживать его при любых обстоятельствах в значительной степени бывало скорее эмоциональным. И нам не следует рассматривать это как некую специфически «немецкую» черту. Оглянитесь на собственную жизнь и спросите себя: часто ли ваши решения бывали действительно «рациональными». Рациональным ли было ваше решение купить дом или машину, которую вы выбрали? А ваше расположение к одним людям и неприязнь к другим – в основе своей они имеют «рациональные» или «эмоциональные» причины?

И несмотря на всю работу, проделанную историками-структуралистами на протяжении последних лет, выявляющую все специфические обстоятельства возникновения нацизма, мы вынуждены признать неприятный факт: Адольф Гитлер был неординарной личностью, которая успешно использовала чувства немцев. Конечно, его влияние распространялось преимущественно на тех, кому хотелось верить в то, что он утверждал – тому приводится много личных свидетельств в этой книге, – и потребовался экономический кризис (который он не контролировал), чтобы вытолкнуть его на вершину власти. Но суть в том, что для множества людей, даже в ранние годы становления нацизма, встреча с Гитлером стала событием, изменившим их жизнь. Показательно свидетельство Альберта Шпеера, который утверждает, что после встречи с Гитлером он жил на «высоком напряжении», а ведь он не единственный человек с большим интеллектом, почувствовавший необходимость подчинить себя воле австрийского капрала. Эта история учит нас, что харизма (умение снискать популярность в массах) – это свойство, к которому следует относиться с подозрением. А также нам следует научиться проявлять здоровый скептицизм в отношении тех, кто следует за политическими лидерами, руководствуясь «верой».

И наконец, есть еще одна всеобъемлющая причина, заставляющая меня думать, что эта история остается актуальной. Как я уже писал в завершении короткого предисловия к «Войне столетия» шесть лет назад: «...это отнюдь не счастливая история, и она не слишком утешительна. Но ее следует изучать в школе и помнить. Потому что на это оказались способны люди в двадцатом веке».

Лоуренс Рис

Лондон, октябрь 2005 г.

¹ George Orwell. Hitler. Первая публикация: *New English Weekly*. – Лондон 21 марта 1940 г. Перевод с английского: А. Шишкин. Публикация перевода: сборник «Джордж Оруэлл: “Скотный Двор: Сказка”. Эссе. Статьи. Рецензии». – Изд. «Библиотека журнала “Иностранная литература”». – 1989. С. 75–79.

Глава 1

Путь к власти

В лесу возле города, который в прошлом был восточнопрусским городом Раценбург, а сегодня является польским городом Кентшин, можно увидеть бесформенную грудку железобетона. Сегодня трудно представить себе местность более отдаленную от центра власти, чем эта глухая часть Восточной Польши у границы с Россией. Но если бы вы очутились на этом месте осенью 1941 года, то оказались бы в центре управления одного из наиболее могущественных людей в истории – Адольфа Гитлера. Его солдаты уже стояли на берегах французской Бретани и топтали пшеничные поля Украины. Более 100 миллионов европейцев, которые еще несколько месяцев назад жили в независимых государствах, уже находились под его властью. В Польше полным ходом разворачивалось одно из самых варварских в мире переселений народов. И, преступив границы мыслимого зла, Гитлер вместе с Генрихом Гиммлером уже планировали уничтожение целого народа – евреев. Решение, которое Гитлер принимал в этом ныне лежащем в руинах бетонном городе, коснулось жизни каждого из нас и определило ход событий второй половины двадцатого столетия, причем к худшему.

Как же стало возможным, что культурная нация, в самом сердце Европы, позволила прийти к власти этому человеку и нацистской партии, которую он возглавлял? Зная о страданиях и разорениях, которые нацисты принесли человечеству, сейчас кажется почти непостижимой мысль о том, что Адольф Гитлер стал канцлером Германии в 1933 году вполне конституционным путем.

Одно из широко распространенных объяснений того, как нацисты достигли власти, основывается на характере Гитлера. Ни одна из реальных исторических личностей не обсуждалась так широко; например, биографий Гитлера в два с лишним раза больше, нежели биографий Черчилля. Сами нацисты, объясняя собственный успех, доходили в своих биографических исследованиях до крайностей. Сторонники Гитлера в нацистской партии пришли к заключению, что он не простой смертный, а сверхчеловек. «Гитлер одинок. Как Бог. Гитлер как Бог»¹, – сказал Ганс Франк, рейхсминистр юстиции, в 1936 году. Юлиус Штрайхер, нацист с особой любовью к преувеличениям, шагнул еще дальше: «Христос и Гитлер выдерживают сравнение только в одном или двух исключительных моментах: Гитлер – слишком великий человек, чтобы сравнивать его со столь незначительной личностью»². А в 1930-х годах в немецких детских садах появилась новая молитва: «Дорогой Фюрер, мы любим тебя, как папу и маму. Так как мы принадлежим им, так мы принадлежим и тебе. О Фюрер, прими нашу любовь и веру!»³

Вот еще одно из объяснений прихода нацистов к власти, которое нацистский министр пропаганды Йозеф Геббельс хотел внушить всему миру. Он лично спрашивал Гитлера после того, как прочитал «Майн кампф»: «Кто этот человек? Наполовину плебей, наполовину бог! Воистину Христос или всего лишь Иоанн Креститель?»⁴ Согласно нацистской версии истории, Гитлер, избранник судьбы, пришел к власти в Германии во многом так же, как две тысячи лет назад Христос пришел спасти мир. В обоих случаях их успех был предопределен их сверхчеловеческой судьбой. Это объяснение, хоть обычно и не в такой крайней форме, в некоторых кругах до сих пор остается популярным объяснением того, как нацисты пришли к власти. Это совпадает с желанием многих людей понять прошлое просто в понятиях истории «великих людей», которые кроют мир по своей воле, невзирая на обстоятельства вокруг них. Но с этим объяснением, как ответом на вопрос: «Каким же образом нацисты пришли к власти?», есть просто одна загвоздка: такое объяснение ложное.

Ведь нацистская партия участвовала во всеобщих выборах в Германии в мае 1928 года. На тот момент Гитлер уже был лидером партии лет семь. И к тому моменту немецкий народ имел полную возможность лицезреть его сверхчеловеческие качества и попасть под его гипнотические чары. Но нет, на тех выборах нацистская партия завоевала ровно 2,6 процента голосов избирателей. В секретном правительственном докладе от 1927 года имеется выразительная, в контексте того времени, оценка нацистов. Согласно этому документу, «нацистская партия не имеет сколько-нибудь значительного влияния на большую часть населения»⁵. Таким образом, суждение о том, что Гитлер имел гипнотическое или почти божественное влияние на немцев, невзирая на обстоятельства, является чепухой. Безусловно, Гитлер был незаурядной личностью, и его воздействие на ход событий нельзя недооценивать, однако суть его характера не является достаточным объяснением ни появления нацизма, ни прихода нацистов к власти. Факт заключается в том, что Гитлер и нацисты просто в такой же степени зависели от условий своего времени, как и все мы. Независимо от того, кем был Гитлер, но только из-за коллаборационизма, слабости, просчетов и терпимости других нацисты и смогли прийти к власти. Несомненно, если бы не кризис, который потряс весь мир, нацистская партия вообще не смогла бы появиться.

Когда Германия капитулировала и в ноябре 1918 года закончилась Первая мировая война, в немецкой армии многие не могли понять, почему случилась эта катастрофа. «Мы и правда были поражены, – говорит немецкий ветеран войны Герберт Рихтер, – потому что совершенно не чувствовали себя побежденными.

Войска на передовой не ощущали своего поражения, и мы были удивлены, почему прекращение военных действий произошло так быстро и почему мы так быстро оставили свои позиции, ведь мы же были на вражеской территории; все это нам казалось странным». Воспоминания Герберта Рихтера о своих чувствах и чувствах его товарищей по поводу капитуляции до сих пор отчетливы. «Мы были разгневаны, потому что не чувствовали, что у нас нет больше сил». И эта ярость имела свои опасные последствия.

Те, кто испытывал такие чувства, сразу же стали искать виновных во внезапном прекращении огня и в подозрительных для них условиях перемирия. Распространился миф об «ударе ножом в спину» – мол, пока немецкие солдаты жертвовали жизнями в окопах, другие, в тылу, на родине, предавали их. Кто были эти «другие»? Это были левые, левые политики, так называемые ноябрьские преступники, которые согласились с унижительным перемирием 1918 года. Германия в конце 1918 года впервые в своей истории обратилась к демократии. И политикам стало понятно, что продолжение войны бессмысленно, что Германия войну проигрывает. Но многие солдаты смотрели на это иначе: им обстоятельства поражения Германии в ноябре 1918 года принесли только позор и бесчестие.

В Баварии, части южной Германии, это чувство предательства особенно сильно ощущалось многими солдатами, вернувшимися из окопов, и гражданскими правых политических взглядов. Мюнхен, столица Баварии, в 1919 году пребывал в состоянии хаоса. В феврале был убит политик-социалист Курт Эйсер². Это убийство привело к массовым беспорядкам и имело значительные политические последствия. В апреле 1919 года была образована недолговечная Баварская советская республика (*Bayerische Räterepublik*), а затем создано правитель-

² Курт Эйсер (1867–1919) – деятель германского рабочего движения, журналист, первый премьер-министр Баварии. 7 ноября 1918 г. возглавил революционную борьбу в Мюнхене, был избран председателем Мюнхенского рабочего, солдатского и крестьянского совета, а 8 ноября, после провозглашения Баварской республики, стал премьер-министром республиканского правительства. По распоряжению Эйснера были опубликованы документы, доказывающие роль правительства Германии в развязывании Первой мировой войны, что вызвало ожесточенные нападки на Эйснера со стороны правых кругов, обвинивших его в получении денег от союзников для «организации» революции. 21 февраля 1919 г. по дороге в ландтаг, где Эйсер должен был объявить об отставке правительства, поскольку по результатам февральских выборов его политическая сила получила незначительное количество мест в парламент, он был застрелен молодым немецким националистом графом Арко-Вели. Смерть Эйснера нарушила хрупкое равновесие сил.

ство, возглавленное коммунистами. 1–2 мая вооруженные силы правых, состоящие из частей германских войск и отрядов фрайкора (*Freikorps*)³, взяли Мюнхен, жестоко подавив сопротивление коммунистов и устроив массовый террор. Сам факт существования этого последнего возглавляемого коммунистами мюнхенского правительства ясно показал многим в этой традиционно консервативной части Германии, что их страх перед коммунистами был небезосновательным. «Да здравствует мировая революция!» – такими словами заканчивается одна из брошюр Коммунистической партии Германии того периода – одно из многих творений агитационной продукции, которая питала паранойю правых и создавала атмосферу, в которой могли процветать радикальные партии, противостоящие коммунистам.

Была еще одна, более зловещая причина, по которой Баварская советская республика произвела такое устойчивое впечатление на сознание правых. Большинство лидеров этого переворота левых были евреями. Это способствовало обострению предубеждения, что за всем злом и несправедливостью в Германии стоят евреи. Распространялись слухи о том, как евреи уклонялись от службы в армии и что не кто иной, как еврей в правительстве – Вальтер Ратенау⁴, – тайно способствовал столь унижительному перемирию. Да и сейчас, согласно нагроможденной лжи, немецкие евреи продавали страну в рамках всемирного заговора, организованного международным еврейством.

По иронии судьбы эта ложь была действительна именно потому, что в Германии тогда жила всего лишь горстка евреев. В июне 1933 года их насчитывалось только 503 000, какие-то 0,76 процента населения; и, в отличие от еврейского населения других европейских стран, таких как Польша, они были относительно ассимилированы. Парадоксальным образом это сыграло на руку немецким антисемитам, поскольку при отсутствии большого количества евреев во плоти и крови мог распространяться фантастический образ еврейства, в котором евреи воплощали все, что не нравилось правым силам в послевоенной Германии. «С политической точки зрения многим людям было очень легко сосредоточить свое внимание на евреях, – говорит профессор Кристофер Браунинг. – Еврей стал символом левого политика, капиталиста-эксплуататора, разного рода авангардного эксперимента в культуре, секуляризации – всего того, что вызывало неприятие у довольно широкой консервативной части политического спектра. Еврей стал идеальным политическим раздражителем».

В течение сотен лет немецкие евреи были жертвами предрассудков и не допускались во многие сферы общественной жизни. И лишь только во второй половине XIX века им было разрешено владеть землей и возделывать ее. Германия после Первой мировой войны оставалась страной, где антисемитизм все еще был обычным явлением. Ойген Левине, немецкий еврей, выросший в Берлине в 1920-е годы, страдал в детстве лишь из-за того, что был евреем. До четырех или пяти лет он играл с другими детьми нееврейского происхождения. А затем, когда вернулись домой их старшие братья, сверстники стали говорить ему: «Грязный еврейчик, тебе нельзя здесь играть, уходи». «Другие дети были тихими, – говорит Ойген Левине, – но эти мальчики уже были полны духом антисемитизма. Однажды один из старших мальчиков избил

³ Ф р а й к о р ы – полувоенные добровольческие формирования крайне правого, реваншистского толка, действовавшие в Германии в первые годы Веймарской республики. Многие бойцы этих формирований впоследствии стали активными членами нацистского движения.

⁴ Вальтер Ратенау (1867–1922) – германский промышленник еврейского происхождения, министр иностранных дел Германии. В июле 1919 г. Ратенау был назначен экономическим советником германского канцлера и официальным представителем Германии на переговорах с Францией о репарациях. В мае 1921 г. Ратенау получил портфель министра восстановления, а в феврале 1922 г. – министра иностранных дел в правительстве канцлера К. Й. Вирта. На обоих этих постах он настаивал на честном выполнении Германией подписанных ею обязательств, в том числе касающихся репараций странам Антанты. Эта политическая линия вызвала ярость крайних шовинистов, мечтавших о реванше, и кампанию открытых угроз и подстрекательств в адрес Ратенау. Крупнейшее дипломатическое достижение Ратенау, подписавшего в апреле 1922 г. в Рапалло договор с Советской Россией, который покончил с внешнеполитической изоляцией Германии, не предотвратило выполнения этих угроз – 26 июня он был убит по дороге в свое министерство членами подпольной террористической антисемитской организации «Консул».

меня, ведь шестилетнему ребенку не по силам тягаться с четырнадцатилетним». Помимо этого жестокого случая он испытал на себе проявление антисемитизма в виде довольно странного ритуала: «В любой новой школе на первой утренней перемене ты получал тумака, потому что ты – еврей; а затем все наблюдали, на что ты способен, и ты вынужден был драться. И если ты давал сдачи – тебе не нужно было даже побеждать – если ты давал должный отпор, они оставляли тебя в покое».

Однако нужно стараться избегать однозначных оценок. Поскольку всем известны реалии Освенцима, легко прийти к заключению, будто бы в то время Германия была единственной страной, где процветал антисемитизм. На самом деле это было не так. И хотя антисемитизм существовал, но обычно, по словам Ойгена Левине, «это не было проявлением того антисемитизма, который склонял людей поджигать синагоги». Зная, что случилось в Германии при нацистах, трагичным является факт, что после Первой мировой войны какое-то количество евреев бежало из Польши и России в Германию с целью укрыться от антисемитизма, процветающего в тех странах. «Восточные евреи», как правило, были менее ассимилированы, чем другие немецкие евреи, и поэтому вызывали больше проявлений антисемитизма. Детство Бернда Линна, который впоследствии стал офицером СС, прошло в Германии в начале 1920-х годов, и его антисемитизм питался тем, что он воспринимал, как «чуждое» поведение «восточных евреев» в отцовской лавке: «У нас было много покупателей евреев. Они слишком много себе позволяли. В конце концов, они ведь были у нас гостями, но не вели себя надлежащим образом. Разница была слишком очевидной между ними и евреями, давно здесь осевшими, с которыми у нас были хорошие отношения. Ведь все эти приехавшие сюда восточные евреи вообще не ладили с живущими здесь западными евреями. Их манера держаться у нас в магазине все более увеличивала мое неприятие их». Бернд Линн радостно признался нам, что ребенком швырял петардами в евреев на школьной площадке, а еще они с одноклассниками придумали такое развлечение (это ему нравилась больше всех) – бросать евреям в почтовые ящики нарисованные «билеты в Иерусалим в один конец».

Фридолин фон Шпаун сразу после Первой мировой войны был уже достаточно взрослым, чтобы вступить в один из отрядов фрайкора. Как и Бернд Линн, он также поддерживал нацистскую партию и тоже имел личные претензии к евреям. «Если бы евреи несли нам что-то хорошее, все было бы нормально, – говорит он. – Но они нас надували. Они сколачивали состояние, а потом объявляли себя банкротами и исчезали с набитыми карманами. Поэтому я считаю вполне естественным широкое распространение антиеврейских настроений». Фридолин фон Шпаун продолжает без капли иронии: «В течение жизни и, еще даже будучи ребенком, я много сталкивался с евреями и должен выразить им личный упрек: ни один из тех, кого я встретил, не стал моим другом. Почему? Не по моей вине. Я ничего против них не имел. Я всегда отмечал, однако, что они лишь используют меня. И это – раздражало. Так что я не антисемит. Я просто их не понимаю».

На все эти высказывания Ойген Левине реагирует достаточно откровенно: «Я не могу особо возмущаться тем, что есть абсолютно не обоснованным. Назвать это несправедливостью означает придавать этому слишком много значения. Ну разве это не говорит об их заблуждении? Когда два человека совершают одну и ту же ошибку и один из них еврей, тогда они говорят: кто же это, как не еврей? Что ж, это для них типично – чего еще можно ожидать. Проклятый еврей». А если это англичанин, то вы говорите: «Странно, это не свойственно англичанам». В конце концов, существуют сотни анекдотов об этом самом отношении. О том, как говорят антисемиты: «Вот еще одно надругательство со стороны евреев, не считая того, что вы, евреи, потопили “Титаник”. А еврей отвечает: “Позвольте, это же смешно. “Титаник” потопил айсберг”. А тот говорит: “Айсберг, Гринберг, Голдберг, все вы, евреи, одинаковы”».

Вот в условиях такой общественно-политической ситуации 12 сентября 1919 года тридцатилетний ефрейтор немецкой армии по имени Адольф Гитлер пришел на заседание Немец-

кой рабочей партии (Deutsche Arbeiterpartei, DAP) в Зале ветеранов войны в пивной «Штернекерброй» (Sterneckerbräu) в Мюнхене. Его туда послал капитан Карл Майр, начальник отдела агитации Баварского командования рейхсвера, с целью разнюхать, что это за партия. На этом заседании Гитлер, взволнованный речью некоего лектора, который призывал к отделению Баварии от Германии, разбил его аргументы, продемонстрировав блестящие ораторские способности. Слесарь Антон Дрекслер, который основал эту правую партию около девяти месяцев назад, сразу же пригласил Гитлера в нее вступить.

Кто же был этот человек, который в тот вечер в пивной «Штернекерброй» начал свой путь в историю? В течение первых тридцати лет он ничем не выделялся, разве что только своими странностями. Плохо учился в школе, провалился при поступлении в Академию изобразительных искусств в Вене; его единственным успехом в жизни была солдатская служба в годы Первой мировой войны, когда за отвагу он был награжден Железным крестом первой степени.

Сведения о жизни Гитлера до его появления на заседании в пивной «Штернекерброй» отрывочны. Одним из основных источников является его собственный рассказ от 1924 года в «Майн кампф». Здесь он пишет, как перед Первой мировой войной, гуляя по Вене, «я начал пристально присматриваться к евреям... И чем больше я приглядывался к ним, тем рельефнее отделялись они в моих глазах от всех остальных людей... Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта, и прежде всего в области культурной жизни народов, в которой не был бы замешан по крайней мере один еврей?» Эти знакомые слова подтверждают идею, которую Гитлер хотел нам навязать, что вот человек, который с самого начала утвердился в своем антисемитизме. Но так ли это? Недавно доктором Бриджит Хаман была написана одна из наиболее интересных работ о венском периоде жизни Гитлера. Она поставила перед собой задачу до мельчайших подробностей проверить личные данные людей, с которыми Гитлер контактировал в мужском приюте, где временно проживал. Выводы оказались поразительными: «Картина венской жизни, которую Гитлер рисует в “Майн кампф”, не точна. Он утверждает, что стал антисемитом в Вене, но при тщательной проверке данных того времени, можно убедиться, что, напротив, он подружился со множеством, с невероятным множеством евреев, как в своем приюте, так и через посредников, которые продавали его картины». Она установила также, что ни один из массы евреев, с которыми у Гитлера были замечательные отношения в его венский период жизни, не упоминал, чтобы Гитлер проявлял антисемитизм в тот период до 1913 года. Напротив, говорит доктор Хаман, Гитлер предпочитал продавать свои картины еврейским посредникам, «поскольку они не боялись рисковать»⁶.

Это важное открытие. Оно указывает на тот факт, что Гитлер хотел, чтобы мы поверили в его, полубожественную сущность, сам не будучи в ней уверенным. На самом деле его, как и любого другого, вынесли на поверхность конкретные обстоятельства. По мнению доктора Хаман, в Вене Гитлер «не причинял никому зла. Он был законопослушным гражданином, рисовал, чтобы свести концы с концами, сравнительно неплохие рисунки. Был безобидным человеком». События, превратившие этого «безобидного человека» в Гитлера, которого узнала история, были теми же, что нарушили покой всей Германии – Первая мировая война и ее незамедлительные последствия. Для того чтобы придать какой-то смысл новым обстоятельствам своей жизни, Гитлер, согласно утверждению доктора Хаман, вспомнил предсказания неистовых австрийских антисемитов и сам начал следовать их примеру.

Для политической философии Гитлера вообще характерны заимствования. Большую часть своих аргументов он попросту украл у других. Но, наверное, он знал, что «великий человек» не ворует идеи. И это склонило его заявить о зарождении своего чудовищного антисемитизма в Вене, а не выводить его из общего чувства ненависти и ощущения того, что тебя предали, испытываемого миллионами людей в 1918–1919 годах.

Гитлер фальсифицировал данные о начале своей политической деятельности также и другими способами. Когда он приобрел известность, то хотел показать, будто бы он был одним

из первых членов Немецкой рабочей партии – партийный билет номер семь. О том, что Гитлер имел партбилет под номером семь, поведали нам несколько старых нацистов, гордые тем, что фюрер стоял у самых истоков нацистской партии, руководя ее деятельностью с начала ее существования. Но это неправда. Антон Дрекслер направил Гитлеру в январе 1940 года жалобу: «Мой фюрер, никто лучше вас самого не знает, что вы никогда не были седьмым членом партии, в лучшем случае – седьмым членом комитета, когда я попросил вас войти в его состав как агитатора. Несколько лет назад, на партийном собрании, я был вынужден выразить недовольство по поводу того, что ваш первый билет члена Немецкой рабочей партии, с подписью Шюсслера и моей, был фальсифицирован: номер 555 был вытерт и вместо него проставлен номер семь⁵. Ведь насколько лучше и ценнее было бы для потомства, если бы исторические факты были представлены такими, какими они были в действительности»⁷.

Однако в течение 1919 года Гитлер обнаружил в себе подлинный и незаурядный талант – дар публичных выступлений. Какую же силу имела его подстрекающая толпу речь, в которой он проводил различие между двумя крайне правыми партиями, если Немецкая рабочая партия начала так заметно пополнять свои ряды! Одним из первых присоединившихся был Эрнст Рем, капитан рейхсвера (немецкой армии), который быстро осознал привлекательность личности Гитлера для толпы. Рем был человеком действия. «Поскольку я человек незрелый и слабый, – говорил он, – то война и бунт привлекают меня больше, чем буржуазный порядок»⁸. Партия, та, которую строил Гитлер, знала, как использовать головорезов вроде Рема. «Грубость уважают, – заявил однажды Рем. – Людям нужен основательный страх. Им нужно чего-то бояться. Они хотят, чтобы кто-то подавлял их страхом и добивался от них покорности»⁹.

В течение двух лет пребывания в Немецкой рабочей партии Гитлер стал самым ценным ее приобретением. Его речи привлекали новых членов, а его личность определяла характер партии. В борьбе за власть в партии в августе 1921 года Гитлер вышел победителем, утвердившись как ее абсолютный лидер, а партия получила новое название – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, или, коротко говоря, нацистов (изменение названия партии произошло в феврале 1920 года в стремлении апеллировать как к националистам, так и к социалистам). Поначалу партия уделяла внимание не столько деталям политических манифестов, сколько эмоциональной приверженности, отвергая демократию и проповедуя революцию. «Я вступил в партию, потому что был революционером, – говорил позже Герман Геринг, – а не из-за какой-нибудь идеологической чепухи»¹⁰. Задача партии была и оставалась предельно ясной – исправить несправедливости, причиненные Германии в конце Первой мировой войны, наказать ответственных за это зло и «уничтожить марксистское мировоззрение».

В рамках этой общей политики нацистская партия, в своем зародышевом состоянии, не отличалась от массы других мелких крайне правых групп, которые расцвели в мутных водах послевоенной политики в Южной Германии. Первая программа партии, представленная 24 февраля 1920 года, была скорее смесью невыразительных экономических обещаний, направленных на защиту среднего класса и мелкого предпринимательства, вкупе с четким обязательством лишить евреев полноценного немецкого гражданства. Этим нацистская партия не выделялась из ряда других. Напротив, ее опубликованная программа действий не предлагала ничего, что не предлагали бы другие крайне правые группы того времени. В *Marktbreiter Wochenblatt*, партийной газете Немецкой Лиги защиты и сопротивления, появилось такое заявление: «Совершенно необходимо убивать евреев»¹¹. В другой брошюре писалось: «Что нам

⁵ В действительности № 555 был выдуманной цифрой: для солидности к подлинному номеру слева приписывалась цифра 5. Таким образом, на деле Гитлер был 55-м членом нацистской партии. Цифра 7 возникла потому, что он стал 7-м членом руководящего комитета партии.

делать с евреями? Не нужно бояться лозунга “Нет воинствующему антисемитизму!””, поскольку только насилием можно изгнать евреев»¹².

Символы молодой нацистской партии были столько же неоригинальны, сколь и ее идеология. Свастика была уже популярна среди других немецких политических группировок еще до того, как ею воспользовались нацисты. Череп со скрещенными костями, который станет символом на фуражках одиозных СС, раньше использовался немецкой кавалерией. Даже римское приветствие взмахом протянутой руки было позаимствовано у фашистов Муссолини.

В одном отношении, однако, нацистская партия отличалась от других. Даже с учетом жестокости того времени движение с самого начала отличалось высокой степенью насилия. В 1921 году были сформированы штурмовые отряды на базе так называемого отдела гимнастики и спорта партии для защиты партийных собраний нацистов и разгона собраний партий соперников. Стычки нацистских штурмовиков и сторонников других политических партий станут характерной особенностью немецкой политической жизни до 1933 года.

Поскольку нацисты проповедовали, что именно они – это «избавление» Германии от ее проблем, судьба их партии зависела от степени трудностей, с которыми сталкивалась страна. Партия возникла благодаря несправедливости и ущемлению прав, которые ощутила страна в конце Первой мировой войны, и, соответственно, могла развиваться только в атмосфере политической нестабильности. Нацизм расцвел с усилением нового кризиса, охватившего также и Францию. Разгневанные неспособностью Германии выплачивать контрибуцию французы в начале 1923 года оккупировали Рур. Для страны и без того униженной позорным перемирием ноября 1918 года и жесткими условиями Версальского мирного договора это стало тяжелейшим ударом по честолюбию. Немецкое ощущение позора было усилено поведением французской армии на оккупированной территории. «Вот тогда-то мы узнали, что французы правят железной рукой», – сказала Ютта Рюдигер, женщина, ставшая позже во главе BDM (Союза немецких девушек) – аналога «Гитлерюгенда» для девушек. – Возможно, они просто желали мести. Мечь – это чувство совершенно мне незнакомое». Фрау Рюдигер затем добавляет свою оценку французов, более чем ироническую, с учетом того, что принес в дальнейшем нацизм. Но тем не менее вполне выразительную: «Но у французов ведь несколько иной характер, правда? Его, наверное, отличает легкий садизм».

Бернд Линн стал свидетелем французской оккупации Рура в пятилетнем возрасте. Когда французские солдаты маршировали по его улице, он стоял на тротуаре возле дедушкиного дома, одетый в детскую военную форму с детским ружьем в руках. «Я обернулся, и ко мне подошел француз. Он разоружил меня – наверняка игрушечное ружье нужно было ему для собственных детей. Я почувствовал сильнейшую обиду». Бернд Линн, у которого француз отобрал в детстве игрушечное ружье, позже стал полковником СС (Schutzstaffeln – изначально, в 1920-е, личная охрана Гитлера).

Рурский кризис совпал с усилением экономических проблем Германии, в частности с неудержимой инфляцией. «Я однажды заплатил 4 миллиарда марок за кольцо колбасы, – говорит Эмиль Кляйн, впервые принявший участие в гитлеровском митинге в 1920 году. – И этот упадок естественно способствовал росту гитлеровского движения, потому что люди говорили: «Так дальше продолжаться не может!» А затем постепенно стали распространяться разговоры о необходимости прихода сильной личности. И эти утверждения о сильной личности все время набирали силу, потому что от демократии толку не было».

В условиях политического кризиса, вызванного как французской оккупацией, так и немецкими экономическими трудностями, баварские власти правого толка вступили в конфликт с правительством Густава Штресемана в Берлине. Центральное правительство в Берлине пыталось заставить баварские власти подвергнуть цензуре нападки на Штресемана и его правительство со стороны нацистской газеты «Völkischer Beobachter» («Фелькишер беобахтер»). Густав фон Кар, провозглашенный комиссаром земли Бавария, отказался выполнить это

требование, как и командующий ее вооруженными силами генерал фон Лоссов. В атмосфере внутреннего конфликта Гитлер попытался взять в свои руки митинг в мюнхенском пивном зале «Бюргербройкеллер» (Bürgerbräukeller), где выступали и фон Кар, и фон Лоссов. Гитлер призывал к путчу (национальной революции) и свержению центрального правительства. На следующее утро с целью давления на Берлин путчисты организовали марш по Мюнхену. Эмиль Кляйн принял участие в этом нацистском марше. Рядом с ним были Гитлер, Геринг и Гиммлер. «Наш марш был блистательным в тот день, – вспоминает он с гордостью. – Но, когда мы повернули на Максимилианштрассе и когда я дошел до угла Резиденции (бывший дворец королей Баварии), мы услышали впереди выстрелы. Что происходит?»

Столкнувшись с выбором – поддержать вооруженную революцию или баварские власти, – полиция сделала четкий выбор не в пользу нацистов. Началась стрельба (не вполне ясно, кто ее начал – участники марша или полиция). Таким образом, мюнхенский марш путчистов закончился сценой насилия. «Если вы спросите меня, что я почувствовал тогда, – рассказывает Эмиль Кляйн, – я скажу, что это были первые в моей жизни политические эмоции. Все могло пойти не так. Само по себе это уже было ударом для меня и моих товарищей. То, что такое возможно». Гитлеру тоже предстояло вынести из этого определенный опыт. С этого времени нацисты пытались добиться власти в рамках демократической системы.

Тем временем Гитлер был арестован, и 26 февраля 1924 года его судили. Его обвиняли в государственной измене и доказательства против него были серьезными. Нацисты не только совершили вооруженное ограбление в ходе путча, но в результате вооруженного столкновения были убиты трое полицейских. Однако в отличие от других обвиняемых путчистов, таких как герой Первой мировой войны генерал Людендорф, Гитлер выступил в свою защиту и принял полную ответственность за свои действия. Его речи в суде, обращенные к судьям, принесли ему известность во всей Германии, и он впервые стал фигурой национального значения. «Господа, – обратился Гитлер к суду, – не вам судить нас, а вечному суду истории, который вынесет приговор обвинению, выдвинутому против нас... Вы можете тысячу раз признать нас виновными, но богиня, председательствующая в вечном суде истории, с усмешкой разорвет обвинение общественного прокурора и вердикт этого суда. Поскольку она оправдывает нас»¹³. Мужественные слова, но основанные на лжи. Большинство немцев не знали в то время, что, произнося свою речь, Гитлер имел все основания предполагать, что суд будет исключительно снисходителен к нему. О какой смелости может быть речь, когда человек знает, что он ничем не рискует. На суде над путчистами председательствовал Георг Найтхардт, тот самый судья, что и на другом, менее известном процессе в январе 1922 года. В тот раз подсудимые обвинялись в насильственных действиях, сорвавших собрание в пивном погребе «Левенбрау» в сентябре предыдущего года. Обвинения тогда были сведены к минимальным – нарушение общественного порядка, и приговор был минимальным – три месяца тюремного заключения. Однако Георг Найтхардт обратился в Верховный суд с просьбой смягчить и этот приговор, утверждая, что цель наказания может быть достигнута заменой заключения денежным штрафом. Среди обвиняемых на том суде был и Адольф Гитлер. Судья Найтхардт проникся к нему таким сочувствием, что уговорил начальство сократить для Гитлера приговор с трех месяцев заключения до одного с испытательным сроком. Теперь же Гитлер стоял перед тем самым судьей, прекрасно зная о его сочувствии делу нацистов. Именно в суде под председательством Георга Найтхардта Гитлер произнес свою страстную речь о «вечном суде истории». Неудивительно, что, придя к власти, нацисты отобрали почти все документы, касающиеся того первого судебного процесса, и сожгли их. Приговор же во втором знаменитом процессе был вполне предсказуемым: пять лет тюремного заключения – минимальный срок. Впрочем, что касается Гитлера, он вскоре досрочно вышел на свободу, с испытательным сроком.

В этом была немалая заслуга баварского правительства. В 1922 году в большинстве немецких земель нацистская партия была под запретом. Но не в Баварии: здесь нацизм испод-

тишка поощрялся. После осуждения за государственную измену Гитлер находился в заключении в относительном комфорте Ландсбергской тюрьмы, недалеко от Мюнхена, где он работал над своей книгой «Майн кампф».

Пока Гитлер находился в Ландсберге, нацистская партия раскололась на фракции. И только после его освобождения в декабре 1924 года (по отбытии менее чем девяти месяцев из назначенных приговором пяти лет) партию удалось снова сплотить. Баварские чиновники, как можно было и ожидать, действовали формально и позволили восстановление запрещенной после Пивного путча НСДАП, которое произошло 27 февраля 1925 года в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер». Однако теперь события в Германии развивались не в пользу нацистов. Гиперинфляция была остановлена, и будущее страны представлялось полным надежд. Середина 1920-х годов была в Веймарской республике так называемым «золотым» временем. Однако этот период расцвета финансировался в кредит – немецкое правительство выплачивало странам Антанты репарации, используя деньги, взятые в долг. Тем не менее на тот момент царил идилизм. Под солнцем благополучия нацизм не мог расцвести, и партия сократилась до небольшой группы фанатиков. Без питающего их кризиса нацисты были беспомощны. До конца 1920-х они оказались на периферии немецкой политической жизни.

Но именно в годы затишья партия выработала внутреннюю структуру той нацистской партии, которая в дальнейшем станет править значительной частью всей Европы. Гитлер исключительно упрочил свое положение в партии. Он легко избавился от небольшого внутреннего сопротивления абсолютной власти в 1926 году, попросту призвав членов партии к лояльности. Распад партии во время его вынужденного отсутствия показал, насколько важно для всего движения личное руководство лидера.

Нацисты не были политической партией в сегодняшнем понимании этого явления. Подробности нацистской политической программы почти не публиковались. Преданности фюреру (Гитлера к тому времени уже называли фюрером – вождем) и общей веры в цели движения было достаточно для доказательства преданности делу партии. То была партия не разговоров, а действий, не политики – а чувств. Доктрина партии взывала прежде всего к молодежи: исследования показали, что в тот период средний возраст тех, кто вступал в нацистскую партию, был до тридцати лет. Среди новообращенной молодежи был и двадцатипятилетний неудавшийся писатель Йозеф Геббельс. С нежностью оглядываясь на 1920-е годы, после того, как нацисты пришли к власти, он с чувством рассказывал молодым людям о тех годах борьбы: «Тогда появились молодые люди, которые написали на своем знамени слово «Рейх» вопреки ненависти, лжи и злобе. Они были убеждены, что проигранная война не является основанием для того, чтобы обрекать народ на вечное рабство».

«Это было прекрасно, – говорит Вольфганг Тойберт, вступивший в нацистский штурмовой отряд в 1920-е годы. – Нас объединяло чувство товарищества, взаимной поддержки, исключительно важное для молодых людей. По крайней мере, тогда так казалось». Людям вроде Тойберта, с гордостью носившим коричневые рубашки штурмовиков, партия предлагала прежде всего возможность почувствовать свою значимость. Несмотря на молодость, в такой форменной рубашке он чувствовал себя важной особой: «Мы шли маршем за флагом со свастикой через немецкие города. Все нерабочее время было заполнено только штурмовыми отрядами». Кроме того, был еще один фактор, возможно привлекательный для этих юнцов, – уличные стычки. «От других людей исходила опасность угрозы. Вечер за вечером мы все чаще обеспечивали защиту собраний не только в своем городе, но и в ряде других городов, усиливая тамошние штурмовые отряды. Мы не носили оружия и должны были защищаться собственными кулаками, как и атаковать в случае необходимости своих врагов. А необходимость такая чаще возникала, чем не возникала!» Тойберт и его товарищи из Бохумского штурмового отряда регулярно вступали в сражения с молодежью из коммунистической партии. «Мы раз-

бивали стулья в зале и дрались ножками от стульев. Такое случалось довольно часто, – улыбаясь Тойберт своим воспоминаниям. – Обе стороны так себя вели – и одни и другие».

Бруно Хенель вступил в нацистскую партию тогда же, но иным и тоже популярным путем – из «Вандерфогель», «фольклорной» группы, пропагандировавшей возвращение к природе и народным ценностям. По выходным молодые члены «Вандерфогель» путешествовали по сельской местности. Свое решение о вступлении в нацистскую партию герр Хенель относит к дискуссии, развернувшейся в молодежном общежитии в 1927 году. «Обсуждалась тема интернационализма, и среди прочего сказано было, что настоящий интернационалист должен приучить себя к мысли, что он может жениться на негритянке. Мне эта мысль показалась очень неприятной». Вместе с рядом других рассуждений это повлияло на решение Хенеля вступить в нацистскую партию. В частности, сыграли роль отрицательные чувства в отношении Версальского мира и «ноябрьских преступников» 1918 года. В итоге он стал ощущать острое неприятие любых международных движений, наподобие коммунистического. «Многие из нас попросту утверждали: “Мы прежде всего – немцы, – говорит герр Хенель, – и вот теперь появилась группа, говорившая: “Германия превыше всего”. Они пели: “Германия, пробудись!”»

Новообращенных типа Хенеля не смущало то обстоятельство, что они вступают в партию антисемитов. «Я помню часто повторявшиеся утверждения, что 50 процентов берлинских докторов – евреи, что 50 процентов берлинских адвокатов – евреи, и что вся берлинская и немецкая пресса находится в еврейских руках, и что с этим следует покончить». Молчаливо поддерживая эту антисемитскую идею в принципе, герр Хенель не имел сложностей с ее примирением с реалиями жизни собственной семьи: «У меня были родственники евреи, и мы встречались на семейных мероприятиях. У меня были очень теплые отношения с двумя кузинами-еврейками. Но это не мешало мне соглашаться с другими требованиями партии».

Для других молодых людей в то же время антисемитизм оказывался препятствием к вступлению в нацистскую партию. «Было что-то очень странное, – говорит Алоис Пфаллер, – в этом крайнем антисемитизме, согласно которому евреям приписывалась ответственность за любое зло. Я знаком был с евреями, среди них были друзья, с которыми я проводил время. И я совершенно не понимал, какая между нами предполагается разница – все мы люди... Я всегда отстаивал справедливость – то, что согласуется с честью и здравым рассудком, в этом была моя проблема, и я боролся с несправедливостью. Для меня речь не шла о преследовании других рас или других людей». Алоис Пфаллер не пошел в штурмовые отряды, однако в поисках радикального решения проблем своей страны он вступил в немецкую коммунистическую партию.

Гитлер видел в своей личности величайшую силу нацистской партии; он культивировал в себе манеры «великого человека», например, смотрел прямо в глаза любому, с кем разговаривал. Фридолин фон Шпаун вспоминает свою встречу с фюрером на партийной вечеринке: «Внезапно я заметил, что взгляд Гитлера остановился на мне. Я посмотрел на него. И это стало одним из самых странных моментов в моей жизни. Он не смотрел на меня с подозрением, но я почувствовал, что он каким-то образом меня изучает... Мне трудно было долго выдерживать этот взгляд. Но я подумал: мне не следует отводить глаза, иначе он подумает, будто я что-то скрываю. И тогда случилось что-то такое, что может оценить только психолог. Взгляд, сперва покоившийся только на мне, вдруг пронзил меня насквозь, устремившись куда-то вдаль. Это было так необычно. Долгий взгляд, которым он меня одарил, целиком убедил меня в благородных намерениях этого человека. Сегодня мало кто в подобное поверит. Скажут, я старею и впадаю в детство, но это не так. Он был феноменальной личностью».

Подобное впечатление Гитлер производил на многих других. Герберт Рихтер наблюдал, как Гитлер в 1921 году вошел в студенческое кафе за университетом. «На нем была рубашка с открытым воротом, и его сопровождала охрана из его последователей. Их было трое или четверо. И я заметил, как пришедшие с ним не могли оторвать от Гитлера глаз. В нем должно

было быть что-то, что очаровывало людей». Но что бы это ни было, на Герберта Рихтера оно не возымело действия. «Он начал говорить, и мне он сразу же не понравился. Конечно же я не представлял, чем он станет позже. Тогда он мне показался скорее комичным со своими забавными усиками. На меня он не произвел совершенно никакого впечатления. Ораторская манера Гитлера тоже не произвела желаемого эффекта. «У него был своеобразный скрипучий голос, – вспоминает герр Рихтер, – и он очень много кричал. Он кричал в маленьком помещении. И то, что он говорил, было чрезвычайно простым. Тут особо нечего было и возразить. Он в основном критиковал Версальский договор – мол, как следует его аннулировать».

Олдос Хаксли писал: «Пропагандист – это человек, который направляет в определенное русло уже существующий поток. В краю, где нет воды, он будет рыть напрасно». Гитлер не был исключением из этого правила. Людям, подобным Герберту Рихтеру, имевшим развитые политические взгляды, он казался комичным персонажем, повторяющим очевидное. Для тех же, кто предрасположен был к вере в подобные решения, он стал «феноменальной личностью». Слишком просто было все объяснять харизматичностью Гитлера и его ораторским талантом. Часто приходится слышать: «Он загипнотизировал нацию». Вовсе нет. Гипнотизер не произносит речей, которые убеждают лишь тех, кому хочется подобные вещи слышать. А именно так поступал Гитлер.

Нацисты гордились тем, что в их партии не применялись демократические принципы (в конце концов, разве не «ноябрьские преступники» принесли демократию, после позорного Версаля?). Над всей структурой партии возвышалась фигура Адольфа Гитлера. В отличие от других политических организаций, решения которых опирались на работу комитетов и политические дискуссии, в нацистской партии конечным арбитром выступал Гитлер – только он был способен принять окончательное решение. Даже в своей зародышевой форме руководимая диктатором партия могла бы развалиться под тяжестью всей работы, возлагаемой на плечи вождя. Однако же Гитлер не только не был завален задачами по принятию решений, но, парадоксальным образом, он вообще не особенно напрягался в отношении административной работы. Понимание причин этого парадокса помогает не только понять структурную организацию нацистской партии, но и ее привлекательность для молодежи. Гитлер во многом обосновывал свое понимание работы взглядами одного покойного англичанина, которые подсказывали ему, как руководить партией, – Чарлза Дарвина.

«Идея борьбы такая же древняя, как сама жизнь, – сказал Гитлер в своей Кульмбахской речи 5 февраля 1928 года. – В этой борьбе сильный, более способный, побеждает, а менее способный, слабый, проигрывает. Борьба – отец всему сущему... Человек живет и возносится над животным миром отнюдь не благодаря принципам гуманизма, а только посредством самой жестокой борьбы». Гитлер стремился применить теорию закономерностей естественного отбора и борьбы за существование, выявленных Чарлзом Дарвином в природе, к отношениям в человеческом обществе, к человеческому поведению. «Бог действует без разбору, – сказал он на обеде 23 сентября 1941 года. – Он в одночасье бросает на землю человеческие массы и представляет народам самим искать собственного спасения. Люди обируют друг друга, и можно заметить, что в конечном итоге всегда существует сильнейший. Разве это не самый разумный ход вещей? Если бы было иначе, ничего хорошего бы никогда не получилось. Если бы мы не уважали законы природы, навязывая свою волю по праву сильнейшего, настал бы день, когда дикие животные снова раздирали бы нас. – Тогда насекомые пожирали бы диких животных, и на земле не осталось бы ничего, кроме микробов»¹⁴.

Не следует удивляться в таком случае, что Гитлер руководил нацистской партией согласно теории социал-дарвинизма. Когда Густав Сейферт обратился в штаб-квартиру нацистской партии с просьбой подтвердить его назначение лидером Ганноверского отделения, он получил такой ответ, датированный 27 октября 1925 года, от Макса Аманна, редактора нацистской газеты «Фелькишер беобахтер»: «Герр Гитлер придерживается принципиального

взгляда, согласно которому “назначение” партийных лидеров не входит в задачи партийного руководства. Герр Гитлер сегодня более чем уверен, что наиболее сильным бойцом в национал-социалистическом движении является тот, кто сам завоевывает уважение и лидерскую позицию благодаря собственным достижениям. Вы в своем письме сами указываете, что почти все члены отделения вам привержены. Так почему же вам самим не захватить лидерство в отделении?» Почему бы не захватить? Какая рекомендация может быть привлекательней для молодого человека? Если тебе не нравится, измени. Не обращай к нам за приказами. Если ты сильнее своих врагов, ты победишь. Точно так же, если ты слабее своих врагов и проиграешь, значит, так и должно быть. Подобный ход рассуждений помогает понять странные выкрики Гитлера в конце войны, когда он заявлял, что Германия «заслужила» свою судьбу от рук Советского Союза.

Когда нацисты пришли к власти, пропагандистская кинопродукция Геббельса вдалбливала в головы ту же самую точку зрения – сильнейший должен выживать, а слабейший погибнуть. В одном из пропагандистских фильмов позднейшего периода ученые демонстрируют эксперимент со схваткой жуков-олень. Лаборант при этом высказывает свои сомнения относительно того, что он видит: «Как прискорбно, – говорит он профессору, – снимать этих восхитительных сильных животных во время смертельной схватки. Подумать только, что где-нибудь в лесу они могли бы жить спокойной жизнью». «Дорогой мой, – отвечает ему профессор, – нигде в природе нет такой вещи, как спокойная жизнь... Все живут в постоянной борьбе, в ходе которой слабый погибает. Мы рассматриваем эту борьбу как совершенно естественную. Но мы не считали бы естественным мирное существование кота с мышью или лисы с зайцем». Пытаясь понять идеологию нацизма, ни в коем случае не следует недооценивать значимость подобных взглядов. Нацистская идеология помещает человека в среду ценностей животного мира. Побеждающий в схватке бык *должен* победить, если он сильнее. Умиравший ребенок *должен* умереть, если он слаб. Если одна страна сильнее другой, она *должна* завоевать своего соседа. Традиционные ценности наподобие сочувствия или уважения законов – это всего лишь щиты, за которыми прячутся слабые, пытаясь защититься от судьбы, назначенной им законами природы (не случайно юристы и священники представляли две профессии, наиболее ненавидимые Гитлером). Нацисты были первой расистской партией, уверовавшей, что национальные государства наподобие отдельных личностей находятся в состоянии постоянной аморальной борьбы, решающей, кому управлять большей частью земли.

Однако, если бы Гитлер применил свою социал-дарвинистскую теорию к нацистской партии в 1928 году, он был бы крайне разочарован, поскольку на всеобщих выборах тогда нацисты собрали всего лишь 2,6 процента голосов. Германия не хотела их по той причине, что не видела в них необходимости на тот момент. Вскоре после выборов экономическое и политическое положение Германии радикально изменилось. Сначала страну охватила депрессия в сельском хозяйстве, а затем обвал на Уолл-стрит, после которого Соединенные Штаты Америки потребовали возвращения долгов, вызвал серьезнейший экономический кризис в Германии.

Стала расти безработица, и последствия этого явления были глубокими и горькими. «В те дни, – вспоминает Бруно Хенель, – наши безработные стояли в длинных очередях перед биржей труда каждую пятницу. И они получали по пять марок в окошке. Это была новая и совершенно другая ситуация – многим не хватало денег для того, чтобы купить еду». «Дело было безнадежное, – вспоминает Алоис Пфаллер. – Люди носили ложку в кармане, чтобы получить еду за одну марку (суп из благотворительной кухни)».

Страдания коснулись и среднего класса, к которому принадлежала семья Ютты Рюдигер: «Мой отец не потерял работу, но ему предложили работать за меньшую зарплату». Ютта Рюдигер думала, что ей придется попрощаться с мечтами об университете, однако помог ее дядя, предложивший помощь. Семьи, подобные Рюдигерам, не попали в статистику роста безработицы, однако они тоже страдали и боялись своей дальнейшей судьбы. Когда же безработица

в Германии в начале 1930-х годов достигла пяти миллионов, убежденность в необходимости радикального решения экономических проблем страны разделяли не только безработные – она распространилась также на миллионы семей среднего класса, подобных семье Рюдигеров.

Выборы в сентябре 1930 года стали прорывом для нацистской партии: за них проголосовало 18,3 процента избирателей. К вящему беспокойству тех, кто стремился жить без конфликтов, возросла также поддержка немецкой коммунистической партии – с 10,6 процента до 13,1 процента. Немецкая нация раскалывалась, тяготея к двум противоположным полюсам. Теперь, когда в рейхстаге широко представлены нацистская и коммунистическая партии, канцлер Германии Генрих Брюнинг, для того чтобы управлять страной, вынужден лавировать и издавать декреты о чрезвычайном положении, подписываемые согласно 48 статье Конституции президентом Гинденбургом. Немецкая демократия погибла не в одночасье с приходом Гитлера, она начала медленно умирать еще при Брюнинге.

Вместе с безработицей росло беспокойство в обществе. «Ты был обязан каждый день отмечаться в бюро по безработице», – вспоминает Алоис Пфаллер. Здесь встречались разные люди – нацисты, социалисты, коммунисты. Затем начинались споры и стычки». Габриель Винклер описывает жизненную перспективу молодой женщины: «Чувствуешь неловкость, когда переходишь улицу, чувствуешь неловкость, когда прогуливаешься по лесу, и так далее. Безработные валялись в канавах и играли в карты». В этой атмосфере опасности и безысходности Ютта Рюдигер впервые слушала речь Гитлера: «Собралась огромная толпа, и у тебя возникало такое чувство, что к нему был подведен электрический кабель. Сегодня можно это объяснить только бедностью, в которой прозябали люди в течение длительного времени. В этом контексте Гитлер со своими заявлениями, казалось, несет нам спасение. Он говорил: “Я выведу вас из этой нищеты, но все вы должны присоединиться к нашему движению”. И это понимали все».

В этот период нацисты развернули новые формы пропаганды, чтобы протолкнуть свои идеи. «Гитлер во главе Германии» – знаменитая президентская кампания, проводимая в апреле 1932 года, когда Гитлер выступил на двадцати одном митинге в течение семи дней, перелетая с места на место на маленьком самолете. Но значимость нацистской пропаганды не следует недооценивать. Научные исследования, проводимые доктором Рихардом Бесселем, показывают, что в районе Ниденбурга в Восточной Пруссии, в которой нацистская партия вплоть до 1931 года не выстроила прочную организационную базу, тем не менее численность избирателей нацистов за три года выросла. Если в мае 1928 года нацисты получили только 360 голосов (2,3 процента), то в сентябре 1930 года этот показатель вырос до 3831 голоса (25,8 процента). Избиратели Ниденбурга голосовали за нацистов не потому, что были очарованы Гитлером или одурачены пропагандой. Они голосовали за нацистов, потому что хотели коренных перемен.

Гитлер поддерживал стремление нацистов внести перемены в политическую жизнь Германии, как только они завоюют власть. В речи 27 июля 1932 года в Эберсвальде, в Бранденбурге, он открыто заявил о своем презрении к демократии. «У рабочих есть свои собственные партии, – заявил он, – одной было бы недостаточно. Должно быть по крайней мере, три или четыре. Буржуазия, будучи умнее, нуждается еще в большем количестве партий. Среднему классу нужна своя партия. Есть экономическая партия, у фермеров есть своя, и вот вам еще три или четыре партии. Домовладельцам тоже нужно, чтобы их политические и философские интересы представляла партия. Арендаторы конечно же тоже не могут оставаться в стороне. У католиков тоже своя собственная партия. И даже у жителей Вюртенберга есть особая партия – 34 партии в одной маленькой земле. И все это в то время, когда на наши плечи легла огромная задача, осуществимая только в том случае, если вся нация сумеет объединиться. Враги обвиняют нас, национал-социалистов, и меня, в частности, в нетерпимости и конфликтности. Они говорят, что мы не хотим сотрудничать с другими партиями... Это что же, так типично для

немцев, иметь тридцать партий? Я должен признать одну вещь: господа правы. Мы нетерпимы. Я поставил себе цель – очистить Германию от тридцати партий».

Эта речь иллюстрирует сущность происходившего – Гитлер и нацисты хотели коренных изменений в Германии, и они открыто заявляли о своих планах. В этом отношении у нацистов было нечто общее с Немецкой коммунистической партией: и те и другие считали, что демократия потерпела неудачу. Собственно говоря, демократия была относительно новым явлением в Германии. Ее наступление совпало с катастрофой заключения Версальского мира, и в начале 1930-х демократия представлялась многим причиной как необходимости выплаты разорительных контрибуций, так и массовой безработицы. Сегодня это может казаться невероятным, но в 1932 году большинство немцев поддерживали или коммунистов, или нацистов, голосуя за политические партии, которые открыто призывали к свержению демократии в Германии. Большинство избирателей, таким образом, чувствовали, что необходим приход не только новой партии, но и новой *системы*.

30 мая 1932 года, потеряв поддержку президента Гинденбурга, Брюнинг подал в отставку с должности канцлера. 1 июня канцлером был назначен аристократ Франц фон Папен, но его правительство сразу же столкнулось с проблемами. На выборах в рейхстаг, состоявшихся 31 июля, нацисты получили 37,4 процента голосов, и им досталось 230 мест. Они теперь стали наиболее широко представленной партией в рейхстаге. Гитлер заявил свое право на кресло канцлера. Президент Гинденбург отклонил его требование 13 августа 1932 года. Отто Мейснер, начальник канцелярии рейха, так описывал события: «Гинденбург заявил, что он признает патриотические убеждения и бескорыстные устремления Гитлера. Но с учетом атмосферы напряженности и его, президента, собственной ответственности перед Богом и немецким народом, он не мог бы прийти к тому, чтобы передать государственную власть единственной партии, не представляющей большинство избирателей, и которую к тому же отличает нетерпимость, недостаток дисциплины, а часто даже склонность к насилию. В иностранных делах очень важно сохранять крайнюю осмотрительность и позволить, чтобы вопросы, требующие разрешения окончательно созрели. Мы должны во что бы то ни стало избегать конфликтов с другими государствами. Что же касается состояния внутренних дел, то следует избегать обострения противостояния конфликтующих сторон, и все силы должны быть направлены на предотвращение экономического бедствия»¹⁵.

Зная о том, что произошло после достижения Гитлером власти, опасения Гинденбурга относительно нацистов оказываются пророческими. Со всей очевидностью пожилой президент вполне осознавал, какая опасность подстерегает Германию под властью Гитлера в роли канцлера. Поэтому иначе и быть не могло: политические требования Гитлера были решительно отвергнуты. Тем не менее всего лишь через пять месяцев, когда нацистская партия, взорванная внутренним кризисом, потеряла многие из голосов, на ноябрьских выборах в рейхстаг Гитлер был назначен канцлером по решению того самого президента Гинденбурга. Почему? Популярность нацистской партии, как кажется, достигла своего пика летом 1932 года. Поддержка партии была довольно непостоянной, и единство самой партии поддерживалось в большей степени эмоциями и харизмой ее вождя, чем четкими положениями программы или твердой политикой. Быстрый рост популярности партии был связан с кризисом, в котором оказалась Германия и который нацисты никоим образом не контролировали. Если бы Германия ощутила экономический подъем, успех нацистов очень быстро испарился бы. Следует заметить, что признаки улучшения экономического состояния уже появлялись, а политическое соглашение на Лозаннской конференции в июне 1932 года положило конец выплатам репараций Германией.

На ноябрьских выборах 1932 года количество голосов, отданных избирателями за нацистскую партию, упало с 37 до 33 процентов. Геббельс предвидел опасность, нависшую над партией, когда ранее, еще в апреле, записал в своем дневнике: «Мы должны прийти к власти в обозримом будущем. Иначе мы на выборах доголосуемся до смерти». Провал на

ноябрьских выборах 1932 года, как указывает доктор Бессель, произошел, несмотря на массивную пропагандистскую кампанию – еще одно доказательство того, что «судьба партии не в первую очередь определялась пропагандой»¹⁶. Партия и сама переживала финансовые трудности – бесконечные туры выборов опустошили источники ее финансирования. Хуже того, Грегор Штрассер, лидер северонемецкого крыла нацистской партии, отказался от своей должности, устроив при этом весьма эмоциональную сцену 7 декабря 1932 года. Штрассеру предложил пост вице-канцлера новый канцлер – генерал фон Шлейхер (который сменил фон Папена 2 декабря 1932 года), но Гитлер настаивал на том, чтобы тот отверг это предложение. Штрассер выполнил требование, но оставил политику, резко осудив настойчивость Гитлера в его стремлении к верховной власти в стране. Могло показаться, что Гитлер рискует утратить контроль над нацистской партией, теряющей свою устойчивость (Гитлер не простил Штрассеру этого «предательства», и тот был убит в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года).

Наряду с упомянутыми событиями произошел ряд других, которые убедили стареющего президента Гинденбурга изменить свое мнение и назначить Гитлера канцлером. В ноябре 1932 года Ялмар Шахт, бывший глава Рейхсбанка, был одним из группы финансистов и промышленников (хотя немногие в этой группе были столь же выдающимися фигурами), которые подписали обращение к президенту Гинденбургу с просьбой назначить Гитлера канцлером. Письмо было выдержано в уважительном тоне, но со всей очевидностью составлено под влиянием того факта, что на выборах в ноябре 1932 года отмечалось усиление успеха коммунистов. Большая часть немецкой промышленной элиты недолюбливала нацистов, но еще больше они боялись коммунистов. Ясно было также, что аристократичный кабинет министров фон Папена не вызывает особенной общественной поддержки. «Вполне очевидно, – говорилось в обращении, – что частые роспуски рейхстага с увеличивающимся количеством выборов и обостряющейся партийной борьбой отрицательно сказываются не только на политической, но также на экономической стабильности и устойчивости. Ясно также, что любые конституционные изменения, не поддерживаемые широкими народными массами, будут иметь еще худшие политические, экономические и духовные последствия. Далее послание призывало передать политическое руководство рейха «лидеру самой широкой национальной группы». Имелся в виду Гитлер. Такой ход действий «поднимет миллионы людей, сегодня стоящих на краю, превращая их в утверждающую и положительную силу».

Гитлер не относился к личностям, с которыми этим промышленникам ранее хотелось иметь дело. Но экономический кризис и мощная народная поддержка нацистского движения внушили им теперь необходимость достижения некоего соглашения. Ключевые фигуры консервативного правого крыла также стремились к авторитарному решению проблем Германии. Но без Гитлера ни одна их инициатива не нашла бы народной поддержки. Иоганн Цан, выдающийся немецкий банкир, говорит, что, поскольку молодые люди шли или в штурмовые отряды или в коммунисты, бизнесмены отдавали предпочтение нацистам за их «дисциплину и порядок». Кроме того, «поначалу, – говорит он, – сегодня обязательно нужно об этом сказать, поначалу невозможно было определить национал-социализм – это что-то хорошее с отрицательными побочными эффектами или что-то плохое с положительными побочными эффектами. Это невозможно было определить». Велись разговоры о стратегии «укрощения Гитлера». Таковую политику охотно предлагал фон Папен, когда его вынудили подать в отставку в пользу генерала фон Шлейхера 2 декабря 1932 года.

Затем Гинденбург получил другие тревожные новости. В начале декабря 1932 года, на заседании кабинета министров, обсуждались результаты армейских учений «Планшпиль Отт». Вооруженные силы изучали ряд гипотетических сценариев гражданских волнений в контексте способности сил безопасности ответить на такие события чрезвычайными мерами. Майор Отт представил следующие выводы: «...Были проведены все приготовления для введения, в случае соответствующего приказа, чрезвычайного положения. Но после тщательного изуче-

ния вопроса было показано, что силы безопасности рейха и немецких земель не обладают достаточным потенциалом для поддержания конституционного порядка в случае необходимости противодействия национал-социалистам и коммунистам при одновременной охране границ»¹⁷. Иными словами, армия признавалась в своей неспособности контролировать события в стране в случае гражданской войны между нацистами и коммунистами. Генерал фон Шлейхер пытался исправить ситуацию на заседании, но безрезультатно: «Несмотря на то, что Шлейхер пытался смягчить эффект от сказанного, заявив в конце заседания, что учения всегда основываются на худшем из возможных сценариев развития событий, но далеко не всегда следует ожидать наихудшего развития событий. В действительности отчет Отта произвел глубокое впечатление на весь кабинет и даже на канцлера, постоянно промокавшего глаза носовым платком»¹⁸.

Четвертого января 1933 года фон Папен и Гитлер встретились в доме кельнского банкира Курта фон Шредера, чтобы обсудить планы на будущее. Это была первая из целого ряда встреч, в результате которых фон Папен согласился поддержать назначение Гитлера канцлером. При этом он выдвинул неперемennые условия: что он, фон Папен, станет вице-канцлером и что в кабинете министров помимо Гитлера окажутся только два нациста (Геринг, в качестве имперского министра без портфеля, осуществляющего контроль за авиацией и Министерством внутренних дел Пруссии, и Вильгельм Фрик, в качестве рейхсминистра внутренних дел). Гитлер согласился. 30 января 1933 года, в результате описанных интриг, когда влияние фон Папена на президента Гинденбурга наконец открыло Гитлеру дверь на самый верх, он был назначен канцлером Германии.

Бруно Хенель, убежденный нацист, описывает свою тогдашнюю реакцию на эту новость как «ликование». Реакция политических оппонентов нацизма была менее прямолинейной. Йозеф Фельдер из Немецкой социалистической партии (СПД), в то время член парламента, рассказывает, что в СПД считали: раз Гитлер законно назначенный канцлер, социалистическая партия представляет легальную оппозицию и таким образом сохраняет стабильную демократию). «Мы еще не вполне понимали, что это на самом деле означает, – говорит герр Фельдер. – Мы полагали, что способны контролировать его через парламент, – какая безрассудная глупость!»

Когда Ойген Левине услышал, что Гитлер стал канцлером, его это обеспокоило не столько из-за того, что он [Левине] еврей, сколько из-за того, что он коммунист. Левине вспоминает, что «не так мало штурмовиков встречались с еврейскими девушками, и поэтому многие немцы рассуждали: ничего страшного не случится – у них у самих девушки – еврейки, значит, они не могут всех нас ненавидеть». У него были также личные основания предполагать, что антисемитизм нацистов до некоторой степени может сдерживаться: «В одной из школ, где я был, некий нацист сказал мне: “Тебе нужно быть одним из нас”. Я ответил: “Как же я могу, я ведь еврей”. А он в ответ: “Мы не против тебя. Приличные парни вроде тебя будут прекрасно себя чувствовать в новой Германии”».

Что касается коммунистической партии, то ее отношение к назначению Гитлера канцлером вряд ли можно было назвать призывом к мировой революции. «Все случилось очень быстро после того, как мы видели постепенное приближение события, – объясняет Ойген Левине. – Линия коммунистической партии, к которой я принадлежал, состояла в том, что приход Гитлера к власти не имеет значения. Тем лучше. Он очень быстро докажет свою некомпетентность, и настанет наша очередь... Невероятным образом они не осознавали, что он, придя к власти, тут же изменит законы». Алоис Пфаллер ясно видит, в чем урок назначения Гитлера: «Во время кризиса всегда есть опасность появления людей, которые заявляют, что они обладают мудростью и необходимыми ответами, и могут принести спасение всем и каждому».

Адольф Гитлер пришел к власти законно, в рамках существующей конституционной системы. Теперь ему предстояло выполнить свои обещания и очистить Германию от демократии.

Глава 2

Как нацисты правили Германией

Расхожие мифы утверждают, что более всего немцам присущи стремление все делать на совесть и склонность к порядку. Об этом трубит автомобильная реклама («Вот бы в жизни все было так же надежно, как в “фольксвагене”»!). Национальная сборная по футболу демонстрирует надежность и стабильность («Немецкая команда, как всегда, показывает отличный результат!»). Едва ли удивительно, что именно эти качества чаще прочих приписывают нацистам. Коль скоро любовь к дисциплине привычно считают естественной для фашистов (Муссолини якобы «заставил поезда ходить по расписанию»), то, согласно логике, с укоренением фашистской идеологии в Германии должно было родиться государство, где царят образцовый порядок и безукоризненная дисциплина. Пропагандистские кинокадры нацистских парадов, известные по фильму Лени Рифеншталь «Триумф воли» (1936), несомненно, только подкрепляют эту идею. Если верить пропаганде, основой немецкого общества при нацистском режиме действительно были ясность и порядок. Но было отнюдь не так.

«Фюрер лично ведет смотр войск, – рассказывает доктор Гюнтер Лозе, бывший сотрудник Министерства иностранных дел и член нацистской партии, воскрешая в памяти все эти кадры как в “Торжестве воли”. – Пропаганда! И впечатляющая... Солдаты стоят ровнехонько, безукоризненной шеренгой! Но за кулисы лучше не заглядывать. Никакого порядка не было – царил полнейший беспорядок». Доктору Лозе приходилось выступать посредником между Министерством иностранных дел и другими правительственными ведомствами в 1930-е годы. По его подсчетам, не менее двадцати процентов рабочего дня уходило на борьбу за юрисдикцию с другими министерствами. Еще один бывший чиновник внешнеполитического ведомства говорит, что тратил на подобную деятельность и все шестьдесят процентов времени. Можно по-разному описывать нацистский режим в Германии 1930-х годов, но говорить о каком-либо «порядке» или «дисциплине» вовсе не следует.

В первые семнадцать месяцев гитлеровского канцлерства радикальная, хаотичная и разрушительная природа нацистского правления обнаруживалась на каждом шагу. Едва лишь придя к власти, Гитлер объявил о новых выборах, однако недвусмысленно дал понять, что они, по сути, сведутся к вотуму доверия. В итоге этих выборов не поменялись бы ни состав кабинета министров, ни управление. (Даже принимая во внимание то, что публичные собрания, осуждающие новое государство, и соответствующие печатные сообщения были запрещены, а тысячи политических противников преследовались, в марте 1933 года нацисты получили только 43,9 процента голосов и не добились абсолютного большинства, на которое рассчитывали.) На следующий день после того, как 27 февраля подожгли Рейхстаг (почти наверняка поджог был делом рук Маринуса ван дер Люббе, убежденного коммунистического приверженца), начались повальные аресты «красных», и вступил в силу указ рейхсканцлера «О защите народа и государства», ограничивавший личные права и свободы граждан. Согласно положениям указа, политические узники могли подлежать бессрочному «предварительному заключению». В марте рейхстаг принял закон о ликвидации бедственного положения народа и государства, наделивший Гитлера абсолютной властью. По словам одного бойца штурмовых отрядов, члена нацистской организации, на улицах воцарился беспорядок: «Людей арестовывают на каждом шагу в обход официально предписанного порядка, все грозят друг другу или предварительным заключением, или Дахау... Всякие уличные метельщики чувствуют себя вправе решать вопросы, о которых и слыхом не слыхивали»¹.

В те первые месяцы нового режима произвольный террор направлялся преимущественно на бывших политических противников нацизма. Так, Йозефа Фельдера, члена рейхстага от

социал-демократической партии, схватили и выслали в незадолго до того созданный концентрационный лагерь Дахау, неподалеку от Мюнхена. Фельдера бросили в камеру и приковали к железному кольцу, а тюремщики-нацисты забрали соломенный матрац, лежавший на бетонном полу, сказав: «А зачем он тебе? Все равно выйдешь отсюда только вперед ногами». Этим жестокое обращение не закончилось: какой-то охранник принес веревку и показал Фельдеру, как управляться с ней на случай, если он захочет повеситься. Фельдер отказался: «У меня семья. Не пойду на такое. Вздерните меня сами!» Его освободили только спустя полтора года с лишним – после того, как обнаружился туберкулез.

Дальновидные политические противники нацистов либо бежали из Германии, либо попытались приспособиться к требованиям нового режима; лишь немногие решились оказывать сопротивление, подобно Алоису Пфаллеру. В 1934 году он попытался возродить бывшее коммунистическое молодежное объединение. Этот поступок был героизмом, однако, направленный против беспощадного режима, считавшего коммунистов своими заклятыми врагами, заведомо был обречен на провал. Пфаллера предал двойной агент – женщина, работавшая одновременно на коммунистическую партию и на гестапо. Пфаллера схватили, доставили в полицейский участок и подвергли жестокому допросу: сломали переносицу и до потери сознания избили ремнями: «Когда я очнулся, избили вторично, пока я снова не упал в обморок, потом в третий и четвертый раз. Опять обморок, и только потом они уgomонились – я так ничего и не сказал». После этого тактику допроса сменили. Один из них сидел за пишущей машинкой, чтобы протоколировать «признания» заключенного, в то время как остальные по очереди били Пфаллера по лицу всякий раз, как он отказывался говорить. Допрос стал еще более бесчеловечным, когда разъяренный полицейский вывихнул себе правую руку и взялся лупить левой. Он ударил Пфаллера по уху, отчего у того лопнула барабанная перепонка. «На меня будто волна обрушилась, – рассказывает Пфаллер. – Я словно оказался на морском дне, шум был просто невыносимым». Пфаллер исполнился решимости убить своего мучителя, хотя и знал, что этим обрекает себя самого на верную смерть. В молодости он изучал дзюдо, поэтому рассчитывал исхитриться и растопыренными пальцами вышибить полицейскому глаза. Но как только он собрался с духом, открылось кровотечение. Допрос остановили, Пфаллеру принесли ведро с тряпкой и приказали смыть с пола всю кровь. На ночь его снова отвели в камеру, а позднее перевезли в концентрационный лагерь. Он вышел на свободу только в 1945 году.

В эпоху соглашательства и предательства история Алоиса Пфаллера воодушевляет. Он – человек, которого пытали, требуя выдать товарищей, но который не сказал ничего: «Это – вопрос чести, – говорит он. – Я бы дал забить себя до смерти, но никогда не предал своих. Скорее умер бы страшной смертью».

Большинство немцев не сопротивлялись режиму. Многие пошли по стопам Манфреда Фрайхерра фон Шредера, сына гамбургского банкира, поддержавшего новый режим и присоединившегося к партии нацистов в 1933 году. Он считал себя идеалистом и верил, что в 1933 году начался новый, прекрасный для Германии исторический период: «Везде царил порядок, наступила полная ясность. Повсюду витал дух национального освобождения, нового начала». Как и большинство немцев, фон Шредер отлично знал, что социалисты и коммунисты томятся в концентрационных лагерях, но считал, что с точки зрения исторической это не так уж важно: «В истории Англии такого, разумеется, не встретишь со времен Кромвеля... Пожалуй, те времена можно сравнить скорее с Великой французской революцией. Едва ли французские дворяне были рады очутиться в Бастилии! Но все говорили: «Что ж, такова революция. Да, наш переворот прошел необычайно мирно, но его революционная суть от этого ничуть не поменялась». Концентрационные лагеря существовали и тогда, но в те времена о них говорили: “Помилуйте, еще англичане придумали это для пленных буров во время войны”». И действительно, хотя и не сбросить со счетов ужасы нацистских концентрационных лагерей, не забывают о том, что лагеря 1933 года нельзя сравнивать с «лагерями смерти», в которых истребляли евреев,

и которые появились позднее, уже во время войны. Те, кто попадал в Дахау в начале 1930-х годов, чаще всего выходили на свободу после года мучений или около того (Алоис Пфаллер – исключительный случай: политического противника, арестованного в 1934 году, продержали в концентрационном лагере целых одиннадцать лет).

После освобождения бывших заключенных принуждали подписывать соответствующие документы, согласно которым им надлежало молчать о пережитом, под угрозой немедленного возвращения в лагерь. Благодаря этому немцы, при желании, могли убедить себя в том, что концентрационные лагеря представляли собой «всего лишь» исправительные учреждения, цель которых была приучить противников нового режима к порядку. А поскольку террор касался преимущественно политических противников или евреев, большинство немцев просто глядели на то, что Геринг называл «сведением счетов» причем глядели невозмутимо, если не с удовольствием.

Шестого июля 1933 года Гитлер объявил, что хочет положить конец произволу и жестокости, творящимся на улицах. «Революция – это состояние преходящее», – заявил он, осознав, что штурмовики представляют угрозу порядку в новой Германии. Гитлера поддержало мощное объединение немцев, преданных ему всем сердцем, – армия. Кадровый военный, Иоганн Адольф граф фон Кильмансегг делится своими воспоминаниями по этому поводу: «Люди чуждались штурмовиков из-за того, как те себя вели, как выглядели, из-за всей их... сущности. Их ненавидело и большинство солдат». Фон Кильмансегг подтверждает: регулярная армия была убеждена, что Эрнст Рем, лидер нацистских бойцов штурмовых отрядов, планирует захватить власть над вооруженными силами Германии. Военные считали: он хочет сделать штурмовиков составной частью армии, а потом и стать верховным главнокомандующим. Это не было на руку ни армии, ни Гитлеру.

Фон Кильмансегг подчеркивает: очень важно различать поддержку нацистов как таковых и поддержку Гитлера лично. Он утверждает: нацистов «чурались» такие же кадровые военные, как он сам, но подобное отношение не распространялось на самого Гитлера. Учитывая, что Гитлер единолично представлял свою партию, оказавшую ему такое доверие, какого не удостоивался прежде ни один политический лидер, такое разграничение кажется нам бессмысленным. Его с глубочайшей уверенностью отрицал и сам Гитлер, заявляя: «Фюрер – это партия, а партия – это фюрер». Несмотря на это, грань, которую фон Кильмансегг проводит между Гитлером и нацистами, существовала и в умах некоторых офицеров того времени. Иными словами, кадровые военные, одобрявшие гитлеровские намерения перевооружиться, скрывали свое беспокойство по поводу зверств, чинившихся штурмовиками.

Вскоре и Гитлер понял, что штурмовиков самое время усмирить. Помимо того, что армия высказывала недовольство ими, фюрер и сам заметил неладное в поведении Рема. Рем заговорил о «второй революции», от которой штурмовики получили бы должное, все еще недополученное ими. Этого Гитлер допустить не мог. Генрих Гиммлер выбрал подходящий момент и пустил слух о том, что Рем планирует государственный переворот, – Гитлер принял его слова на веру. Гиммлер, эсэсовцы которого по-прежнему официально входили в число штурмовиков, отправил свои отряды против Рема 30 июня 1934 года – позднее это событие назвали «Ночью длинных ножей». Гитлер также воспользовался этим случаем, чтобы свести старые счеты с Грегором Штрассером, вышедшим из нацистской партии в 1932 году, и генералом фон Шлейхером, бывшим канцлером Германии; оба в ту ночь погибли. В целом было убито по меньшей мере восемьдесят пять человек.

Генерал фон Бломберг, министр обороны, настолько обрадовался этим вестям, что тут же поспешил выразить благодарность Гитлеру от лица всей армии. Уже через несколько недель (после смерти Гинденбурга 2 августа 1934 года) он лично привел вооруженные силы к присяге на верность Гитлеру. Все военные, кого нам удалось опросить, подчеркивали важность присяги в контексте происходящего; они поклялись на верность не государственному

чиновнику, а личности, человеку как таковому – Адольфу Гитлеру. Карл Бем-Теттельбах принял присягу в 1934 году, будучи молодым офицером *люфтваффе* – военно-воздушных сил Германии. Для него, как и для многих других, присяга была священна; ее он пронес с собой до самого конца войны. Он и по сей день чувствует, что если бы нарушил ее тогда, то вполне мог бы «наложить на себя руки». Бем-Теттельбах почувствовал на себе значимость этой клятвы, когда в 1944 году попал в ставку Гитлера в Восточной Пруссии *Вольфшанце* («Волчье логово»), где стал свидетелем покушения на жизнь Гитлера, совершенного графом фон Штауффенбергом⁶. самого Бема-Теттельбаха не приглашали принять участие в заговоре, однако если бы такое предложение последовало, он отказался бы, чтобы не нарушить присяги.

Карл Бем-Теттельбах занимал должность атташе министра обороны генерала фон Бломберга, который был ему «вторым отцом». «Бломберг знал толк в военном деле, – вспоминает Бем-Теттельбах, – но даже он видел в Гитлере хорошего военачальника». По более поздним рассказам Бломберга, в 1933 году назначение Гитлера на должность канцлера принесло веру, любовь к фюреру и глубочайшую преданность идее. От случайного доброго слова из уст Гитлера у Бломберга слезы наворачивались на глаза, он даже поговаривал, будто дружеское рукопожатие фюрера исцеляло его от любой простуды. Бему-Теттельбаху было особенно хорошо известно, как искренне Бломберг почитал Гитлера, потому как он постоянно возил начальника в автомобиле после встреч с фюрером: «Едва ли можно припомнить хотя бы одну поездку, когда он не перевозил бы фюрера до небес и не рассказывал, какие прекрасные тот высказывал мысли»².

Уничтожив Рема, Гитлер стал главой государства, а не просто канцлером (после смерти Гинденбурга), и торжественно привел армию к присяге на верность. Власть Гитлера стала абсолютной. Помимо нацистской партии, он подчинил себе всю Германию. Гитлер проводил простейшую политику – политику перевооружения. Что же до текущих бытовых вопросов, которые всегда неподъемным грузом ложатся на плечи большинства политических лидеров, то их Гитлер либо делегировал, либо просто оставлял без внимания. Хаос на улицах, возможно, исчез, но внутри нацистской администрации и правительства он рос и процветал.

Фриц Видеман, один из адъютантов Гитлера, писал, что фюрер «ненавидел бумажную волокиту. Иногда он принимал решения, даже касающиеся важных вопросов, даже не ознакомившись с соответствующими документами. Он придерживался мнения, что многие вопросы разрешатся сами собой, если в них не вмешиваться». В результате, по словам Отто Дитриха, пресс-секретаря Гитлера, «за двенадцать лет правления в Германии Гитлер внес такую сумятицу, какой не знало прежде ни одно цивилизованное государство».

Да и распорядок дня Гитлера в те времена не походил на типичное расписание трудоголика от политики. Фриц Видерман упоминал, что «Гитлер обычно появлялся незадолго до обеда, перебирал газетные вырезки, подготовленные пресс-секретарем Дитрихом, а затем уходил обедать. Когда Гитлер оставался в Оберзальцберге (гора в Южной Баварии, на склонах которой Гитлер построил свою резиденцию – Бергхоф), дела обстояли еще хуже. Большую часть дня он проводил в прогулках, а вечером, сразу после ужина, смотрел кино».

Альберт Шпеер, архитектор, которому суждено было стать рейхсминистром вооружения нацистской Германии, рассказывает, что когда Гитлер оставался в Мюнхене, то отводил на официальные встречи самое большее «часа два в день»: «Большую часть времени он гулял по строительным площадкам, отдыхал в различных студиях, кафе и ресторанах или просто держал пространные речи перед своими подчиненными, которые уже достаточно хорошо были знакомы с неизменными темами фюрера и мучительно пытались скрыть скучающие выраже-

⁶ *Заговор 20 июля* («Заговор генералов») – заговор германского Сопротивления, прежде всего – военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера.

ния на лицах»³. Бездарная трата рабочего времени Гитлером стала настоящим проклятием для Шпеера – человека, всякую минуту своей жизни проводившего в трудах. «Когда же, – часто думалось Шпееру, – этот человек работает?» Вывод напрашивался невольно: «В глазах народа Гитлер выглядел вождем, денно и нощно следившим за судьбой нации. Но дело обстояло совсем иначе»⁴.

Гитлер не был диктатором, похожим на Сталина, рассылавшего бесконечные письма и приказы, вмешивавшегося во все сферы политики, – но обладал не меньшим авторитетом, и положение его было не менее надежным, чем у любого диктатора в традиционном понимании этого слова. Как возможно подобное? Как могло современное государство существовать при вожде, большую часть времени проводившем в постели или в кафе? Ответ на этот вопрос дает профессор Ян Кершоу, который тщательно изучил речь Вернера Вилликенса, статс-секретаря Министерства продовольствия и сельского хозяйства. Речь произнесена 21 февраля 1934 года; ей прежде не уделяли особого внимания. Вилликенс сказал следующее: «Все, у кого есть возможность лично общаться с фюрером, знают, что он не диктует свою волю, а лишь говорит о своих намерениях, которые предполагает осуществить рано или поздно. По сей день все, кто занимают важные должности в новой Германии, работают лучше, если, так сказать, служат фюреру и его идее... По сути, это долг каждого – служить фюреру, выполнять его волю. Каждый, кто допустит ошибку, довольно скоро вынужден будет исправить ее. Но для каждого, кто честно работает на фюрера, следуя его политике и цели, наступит день – не сегодня, так завтра, – когда его удостоят наивысшей награды, официальной похвалы за проделанную работу»⁵.

Принцип «служения фюреру и его великой идее» лег в основу удивительной политической системы, опиравшейся не на тех, кто был у власти и раздавал приказы, а на тех, кто находился в самом низу этой иерархии и действовал по собственной инициативе, согласно тому, в чем они видели дух режима, останавливаясь лишь тогда, когда им указывали на ошибки. Подобное происходило в британской истории лишь во времена Генриха II, когда он, если верить источникам, однажды спросил: «Избавимся ли мы от этого строптивого священнослужителя?» Бароны тут же бросились в Кентерберри, чтобы заколоть Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского. Не требовалось отдавать непосредственного приказа – придворные подхалимы сами догадались, как и чем порадовать государя.

Профессор Кершоу считает, что практика «служения идее фюрера» – ключ к пониманию движущей силы, благодаря которой нацистское государство функционировало не только в 1930-х, но и во время войны. При ближайшем рассмотрении эта идея представляет исключительную ценность, если расценивать ее как источник многих административных решений, принимаемых на оккупированных территориях. И это сводит на нет оправдания, которыми объясняют свое поведение некоторые нацисты, утверждая, что всего лишь «выполняли приказы». В действительности, они сами отдавали себе приказы в духе того, что, как им казалось, от них требовали. Однако эта практика не снимает ответственности и с самого Гитлера. Причиной действий всех нацистских функционеров было то, что они осознанно пытались предугадать, чего бы хотел от них Гитлер, и в большинстве случаев их решения вступали, по существу, в законную силу. Система не могла действовать как без самого Гитлера, так и без тех его подчиненных, которые воплощали в жизнь то, что, по их мнению, отвечало интересам фюрера.

Принципом «работать ради фюрера» можно объяснить механизм принятия решений во многих сферах внутренней политики, которым Гитлер, в силу своего темперамента, постоянно пренебрегал. Большинство политических партий, например, строят свои манифесты на тщательно продуманной экономической политике. Нацистов же это не заботило. Более того, один мой знакомый лектор как-то пошутил: дескать, на вопрос «в чем заключалась экономическая политика Гитлера?» очень легко ответить – «ее вовсе не было». Однако в каком-то смысле это утверждение несправедливо, поскольку, несмотря на отсутствие политики, у Гитлера всегда

были экономические *цели*. Он обещал избавить Германию от безработицы и перевооружить страну, хотя последнюю, жизненно важную в его глазах цель он широкой огласке не предавал. Изначально он видел лишь один способ воплотить в жизнь этот план – обратиться за помощью к Ялмару Шахту, бывшему президенту Рейхсбанка и блестящему экономисту, которому было вполне под силу «справиться с такой задачей» (см. главу 3). Не считая вопросов перевооружения и укрепления армии, Гитлера мало интересовала внутренняя политика.

К удивлению тех, кто полагал, будто экономические реформы могут иметь успех лишь тогда, когда их проводит политический предводитель страны, очень скоро оказалось, что передача полномочий в экономических вопросах Шахту отлично способствовала восстановлению государственной экономики. Благодаря займу, Шахт искусственным путем возобновил инфляцию и одновременно внедрил программу создания рабочих мест, основанную на обязательной трудовой повинности для всех безработных. Для обычных граждан, которые не принадлежали к числу «расово неполноценных недочеловеков», или политических врагов режима, жизнь стала налаживаться. Они мало знали об экономической теории, стоявшей за «рефляцией» экономики. Они также не догадывались о бездеятельности Гитлера в вопросах внутренней политики. Вместо этого они собственными глазами видели, что именно привнес в их жизнь новый режим. Большинству нравились нововведения. Почти все из тех, с кем нам удалось побеседовать, подчеркивали, что при нацистском режиме значительно сократился уровень безработицы, а с улиц исчезли обездоленные жители, ищущие пропитания. Количество безработных (хотя последующие цифры явно были подтасованы) сократилось с шести миллионов по состоянию на январь 1932 года до 2,4 миллиона в июле 1934-го. Программа общественных работ – в частности, по крупномасштабной постройке скоростных автострад – стала ярким свидетельством положительной промышленной динамики в новой Германии. «Все были счастливы, – рассказывает Карл Бем-Теттельбах (хотя, очевидно, и преувеличивает). – Вот люди говорят теперь: мол, мои жена и дочери могут ночью прогуливаться по парку, не боясь, что кто-то к ним станет приставать, но нет – в наши дни такие прогулки снова рискованны в отличие от тех времен. Тогда в стране царила безопасность, и все были счастливы».

В отличие от большинства офицеров, в 1930-х Бему-Теттельбаху представилась возможность познакомиться с правящей верхушкой нацистов. Будучи помощником фельдмаршала фон Бломберга, он сидел бок о бок с ними на званых обедах и не уставал удивляться тому, что видел. Так, Герингом все восхищались из-за его подвигов в эскадрилье истребителей под началом Рихтгофена во время Первой мировой войны. Геббельс был «любезен», частенько интересовался за бокалом шампанского, какие фильмы видел фельдмаршал, а затем рассказывал о своих любимых фильмах, например о картине «Унесенные ветром», которой не уставал восхищаться. Был и еще один нацистский главарь, о котором Бем-Теттельбах отзывается тепло – Генрих Гиммлер, глава охранных отрядов СС, а с 1936 года – глава политической и уголовной полиции всей Германии: «Он всегда был приятным, обходительным гостем, часто заводил разговоры с молодыми людьми вроде меня, любил расспрашивать о моей службе в военно-воздушных силах, о том, как я справляюсь со своими обязанностями, о том, как долго работаю с Бломбергом и нравится ли мне это, что мне запомнилось из последней поездки в Венгрию и о многом-многом другом». Бему-Теттельбаху казалось тогда, что эти люди прекрасно знают свое дело. Когда, много позже, он узнал об ужасах, которые творил Гиммлер, то просто поверить не мог, что воспитанный человек, с которым он виделся на званых обедах, мог творить подобное. Неприятно признавать это сегодня, но дело было не только в нацистском режиме, который пользовался повсеместным признанием в 1930-х годах, но также во многих представителях нацистской элиты, чьи имена навсегда превратились в синонимы зла»⁶.

Эрна Кранц была подростком в 1930-х годах. Сегодня она уже растит внуков и живет за городской чертой Мюнхена. Она помнит первые годы нацистского правления. 1934 год она называет «лучом надежды... не только для безработных, но и для всех остальных, потому

что все чувствовали тогда, как восстаем из пепла». Она вспоминает о том, какое влияние оказала нацистская политика на ее собственную семью, и рассказывает следующее: оклады жалованья тогда выросли, у Германии снова появилась жизненная цель. «Я, разумеется, могу говорить лишь о себе самой, – снова и снова подчеркивает она во время нашей беседы, несомненно понимая, что сегодня ее взгляды вряд ли сочтут верными и правильными, – но мне казалось, что время было хорошим. Все нравилось. В стране не было сегодняшнего недостатка, но были порядок и дисциплина». После того как мы попросили Эрну Кранц сравнить свою жизнь сегодня с тем, что было при нацистах, в 1930-х, она ответила: «Думаю, тогда нам жилось лучше. Знаю, говорить такое рискованно, и все равно скажу».

Эрна Кранц с теплотой вспоминает о различных увеселениях, которые нацисты организовывали для молодежи, например шествиях и торжествах. Одним из известнейших «театрализованных» шествий была «Ночь амазонок», которую ежегодно устраивали в Мюнхене на протяжении четырех лет начиная с 1936 года. В уцелевшем цветном фильме, запечатлевшем это необычайное событие, мы видим немецких девушек с обнаженной грудью, едущих верхом в карнавальной процессии. Предполагалось, что полуголые молодые женщины представляли живописные исторические картины, включая сцены охоты из греческой мифологии. Эрна Кранц тоже принимала участие в таком параде, правда, не в качестве полуобнаженной девы, а в роли мадам Помпадур, в платье с глубоким вырезом и кринолине. Она не видит в этом представлении ничего, даже близко напоминающего порнографию: «Девушки представляли перед зрителями такими, какими их создал сам Бог. Думаю, настоящей целью этих парадов было просто порадовать зрителей и стать примером для подражания». В конце интервью она даже добавляет: «В Сикстинской капелле ведь тоже все голыми изображены!»

Такие мероприятия, как «Ночь амазонок», были не просто торжественными шествиями, устраиваемыми для того, чтобы воплотить в жизнь фантазии нацистских вождей, – в них заключался гораздо более глубокий смысл. По словам Эрны Кранц, цель таких парадов состояла в том, чтобы подчеркнуть избранность немецкой нации: «Немцы уверенно заявляли, что их нация – особенная, что в их жилах кипит чистая кровь новых немцев, что они стоят выше остальных». Идея оказалась заразной: «У нас тогда поговаривали, мол, если молодым людям твердить каждый день, что они – особенные, то рано или поздно они и сами в это поверят».

Сегодня, когда мы знаем обо всех немыслимых ужасах, ответственность за которые лежит на режиме, людей, которые утверждают, что при нацистах им жилось лучше, чем в наши дни, в лучшем случае высмеют. Однако очень важно, чтобы они, подобно Эрне Кранц, говорили и дальше, потому что без их свидетельств у людей современности может создаться упрощенное, менее опасное видение нацизма – будто люди мучились под гнетом диктатуры с самого начала. Научные исследования показали, что Эрна Кранц – не единственная, кому тогдашняя жизнь представляется в радужных тонах. Более сорока процентов немцев, опрошенных во время исследовательского проекта после войны, подтвердили, что 1930-е годы остались в их памяти как «хорошие времена». А поскольку опрос проводили в 1951 году, когда немцы уже были прекрасно осведомлены о зверствах лагерей смерти военного времени, наличествующая статистика отражает действительное положение вещей.

Сейчас кажется непостижимым или по меньшей мере едва ли понятным с культурно-исторической точки зрения, почему немцы, удивительно разрозненный народ, так легко поддались влиянию одного политического деятеля, хотя и пользовавшегося неслыханным влиянием. Но этому есть и другое объяснение, и чтобы его понять, достаточно представить себя на месте Эрны Кранц и ее семьи в 1934 году. Что хорошего случилось с ними за последние двадцать лет? Война, которая оставила страну без мужчин и обернулась национальным позором; завершилась мирным соглашением, нанесшим стране губительный экономический ущерб и значительно сократившим ее территорию; принесла свирепствующую инфляцию, которая

полностью уничтожила народные сбережения; породила бесконечное множество политических партий, которые только и знали, что грызться между собой, развязала уличные бои между вооруженными приверженцами соперничающих течений, вызвала на свет безработицу, возросшую до невиданного прежде уровня. Разве кажется теперь удивительным тот факт, что очевидная устойчивость, которую принес с собой нацистский режим в 1934 году, была встречена населением радушно?

Какой бы неожиданной ни казалась реакция немцев на режим в 1930-х годах, она меркнет на фоне недавно появившейся информации о печально известной нацистской тайной полиции – гестапо. Если верить сложившемуся стереотипу, гестапо – всемогущее, всевидящее орудие террора, вселяло ужас в людей и держало в страхе все население. Но это весьма далеко от правды. Чтобы докопаться до истины, мы отправились в небольшой городок Вюрцбург в Юго-Западной Германии. На первый взгляд Вюрцбург ничем не отличается от других немецких городов, но кое-что выделяет его среди остальных: он – один из трех городов во всей Европе, где в конце войны нацисты не успели уничтожить документы гестапо. Здесь, в вюрцбургском архиве, покоится около восемнадцати тысяч папок, уцелевших благодаря скорее везению, нежели чьему-то дальновидному замыслу; сотрудники гестапо как раз начали жечь дела, когда в здание вошли американские солдаты. Бумаги жгли в алфавитном порядке, поэтому папок от «А» до «D» уцелело совсем немного; а остальные документы сохранились в полном объеме.

Профессору Роберту Джеллатели из Канады первому удалось ознакомиться с секретными сведениями, содержащимися в этих папках. Как только профессор приступил к работе, к нему подошел пожилой мужчина из местных, увидевший, чем занимается американец, и сказал: «Не могу ли вам помочь? Я живу здесь издавна, так что много знаю». Профессор Джеллатели побеседовал с ним за чашечкой кофе и спросил его, сколько сотрудников гестапо работали в этой части Германии. «Они тут повсюду были»⁷, – ответил старик, подтверждая тем самым общепринятый миф о немецкой тайной полиции.

Уже после того, как он изучил дела, профессор Джеллатели обнаружил, что гестапо просто не могло «пребывать повсюду». Вюрцбург принадлежит к административному округу Нижняя Франкония, где проживает около миллиона человек. На всю эту местность приходилось только двадцать восемь сотрудников гестапо. Двадцать два из них размещались в самом Вюрцбурге, почти половина занималась исключительно административной работой. Очевидно, что здесь, как и в иных местах, гестапо не могло своими силами постоянно следить за населением. Но как же случилось, что ничтожное количество людей обладало невообразимой властью? Ответ прост – гестапо пользовалось широчайшей поддержкой среди простых немцев. Как и все современные системы охраны общественного порядка, само по себе гестапо едва ли руководствовалось большим количеством моральных ценностей, чем те, чьей помощью оно так успешно пользовалось, – а судя по документам, население было полностью на стороне тайной полиции, что и делало гестапо исключительно действенной секретной службой. Только десять процентов политических преступлений за период с 1933 по 1945 год были раскрыты непосредственно сотрудниками гестапо; еще десять процентов передавались в гестапо регулярной полицией или партией нацистов. Это значит, что остальные восемьдесят процентов политических преступлений были раскрыты обычными гражданами, рядовыми доносчиками, работавшими на полицию или гестапо. Из документов также видно, что большая доля неоплачиваемой помощи поступала от людей, которые даже не состояли в нацистской партии, от «простых» граждан. Таким образом, никто никого не заставлял доносить. Большинство дел в вюрцбургских архивах были заведены лишь потому, что каждый раз находился человек, не состоящий в партии, но добровольно доносивший на своего же товарища. Так что едва ли в гестапо занимались упреждающей деятельностью, самостоятельно и целенаправленно разыскивая политических врагов режима. Они всего лишь собирали и проверяли доброхотные доносы граждан.

Истории, зафиксированные в документах, не сообщают, чем же, собственно, руководствовались доносчики. В одном из дел говорится о еврее – торговце винами из Вюрцбурга, который вступил в любовную связь с женщиной нееврейских кровей, овдовевшей в 1928 году. С 1930 года он стал оставаться у нее на ночь, потом объявил, что хочет жениться. Из документа видно: с приходом Гитлера к власти соседи вдовы начали возмущаться ее близостью с еврейским мужчиной, начались скандалы на лестничной клетке. В итоге еврей перестал ночевать у этой женщины, однако помогал ей деньгами и обедал вместе с нею. Тогда пятидесятишестилетняя соседка написала донос в гестапо. Суть ее жалобы заключалась в том, что она против отношений вдовы с евреем, хоть это и не преступление. Из переписки партии с полицией становится ясно, что соседи зывали к партии, требовали «принять меры». Местная нацистская ячейка в свою очередь давила на СС. В августе 1933 года эсэсовцы сопровождали обвиняемого еврея в полицейский участок. На шею ему повесили плакат с унижительной кроваво-красной надписью, который сохранился и по сей день, приложенный к документам. Старательно выведенные буквы гласят: «Еврей, господин Мюллер. Жил в грехе с немецкой женщиной». Герр Мюллер попал в тюрьму на несколько недель, после чего в 1934 году выехал из Германии. Этот человек не нарушил ни единого немецкого закона.

Доносы стали для немцев способом заставить систему, все менее походившую на демократию, прислушаться к ним: попался на глаза человек, который должен служить в армии, а сам разгуливает по улицам – пиши донос; услышал, как кто-то рассказывает анекдот о Гитлере – пиши донос. Доносы делали и ради собственной выгоды: хочешь вселиться в квартиру, где живет еврейская старушка, – сообщи куда следует, соседи раздражают – донеси на них.

В долгие месяцы, проведенные среди вюрцбургских архивов, профессор Джеллателли тщетно пытался найти хотя бы одного «героя» – того, кто попытался восстать против режима, – обнаружить некое «противоядие», если можно так выразиться, которое спасло бы профессора от гнетущего чувства, посещавшего каждый раз при виде гестаповских бумаг. Однажды Джеллателли показалось, что он нашел такого человека – Ильзу-Соню Тоцке, которая приехала в 1930-х в Вюрцбург учиться музыке. Согласно документам гестапо, она стала вызывать подозрения у окружающих. Первым на нее донес собственный дальний родственник, который сообщил, что она слишком дружна с евреями и слишком много знает о вещах, которые женщин заботить не должны – например, хорошо разбирается в военном деле. Этот родственник рассказал также, что заявляет об этом в гестапо лишь как офицер запаса (хотя офицеры запаса не обязаны становиться доносчиками). Гестапо установило за Тоцке наблюдение, которое приняло странную форму: сотрудники тайной полиции просто попросили соседей приглядывать за девушкой. Сразу за этой пометкой следует стопка противоречивых соседских доносов. Оказалось, что Тоцке не всегда использует «гитлеровское приветствие» («Хайль Гитлер!») и ясно дает понять, что не собирается прекращать общение с евреями, хотя тогда это и не считалось преступлением. Один анонимный информатор намекнул, что Тоцке – лесбиянка («Госпожа Тоцке, по всей видимости, обладает необычными половыми склонностями»). Не нашлось ни единого свидетельства о том, что Ильза-Соня совершала какие-либо преступления. Тем не менее для гестапо этих доносов оказалось достаточно, чтобы вызвать ее на допрос. Отчет о допросе, подшитый к делу, свидетельствует, что ее открыто предупредили о всеобщих подозрениях, но сотрудники гестапо все же не сочли ее «шпионкой» и признали несостоятельными все нелепые обвинения по ее адресу. Ильза-Соня просто отличалась от прочих. Однако продолжали поступать все новые и новые доносы, и в итоге дело оказалось на столе одного из самых кровавых сотрудников гестапо в Вюрцбурге – герра Гормоски из отдела II-Б, который занимался делами евреев.

28 октября 1941 года Тоцке вызвали на допрос. Сотрудники тайной полиции записали порядка ради каждое слово. Тоцке подтвердила, что осведомлена о том, что «если буду снова замечена с евреями, то меня отправят в концентрационный лагерь». Все же она не оборвала

отношений со своими друзьями и снова пришла в гестапо – отчитываться. Вместе с приятелем она попыталась пересечь швейцарскую границу, но сотрудники швейцарской таможни передали обоим немецким властям. В ходе долгого допроса, устроенного в Юго-Западной Германии, Ильза-Соня сказала: «Лично я нахожу Нюрнбергские расовые законы и нацистский антисемитизм абсолютно неприемлемыми. Считаю недопустимым само существование такого государства, как Германия, больше не хочу жить в этой стране». В конце концов, после еще одного, не менее продолжительного допроса в Вюрцбурге Тощке выслали в женский концентрационный лагерь в Равенсбрюке, и мы так и не обнаружили никаких свидетельств о ее освобождении. Смелость стоила жизни.

Мы решили продолжить изучение этого дела и найти живых свидетелей и обвинителей Тощке. В конечном счете нам удалось встретиться с Марией Краузе, которая жила вместе со своими родителями менее чем в сотне метров от дома Тощке. Ко дню беседы ей было семьдесят шесть лет, и внешне г-жа Краузе ничем не отличалась от остальных уважаемых престарелых дам, гуляющих по Вюрцбургу, превратившемуся в прекрасный, почтенный город. Но в деле Тощке мы обнаружили донос от 29 июля 1940 года, подписанный двадцатилетней Марией Краузе. В комментарии к нему написано следующее: «Мария Терезия Краузе родилась 19 мая 1920 г.; явилась утром в тайную государственную полицию». В беседе с этой женщиной мы процитировали ее заявление, в котором среди прочего говорилось: «Ильза-Соня Тощке живет по соседству с нами, в собственном домике. Я обратила внимание на вышеназванную особу потому, что она походит на еврейку... Следует отметить: госпожа Тощке никогда не отвечает на нацистское приветствие «Хайль Гитлер!». Из разговоров явствует, что г-жа Тощке враждебно относится к Германии, сочувствует Франции и евреям. Кроме того, она рассказала мне, что немецкая армия вооружена гораздо хуже французской... Время от времени к ней приходит одна женщина, лет тридцати шести, похожая на еврейку... Думаю, госпожа Тощке ведет себя подозрительно. Думаю, она принимает участие в подрывной деятельности». Под заявлением значится подпись – Рези Краузе. Мы спросили фрау Краузе, ей ли принадлежит эта подпись. Она подтвердила, что это действительно ее подпись, но сказала, что не понимает, откуда взялось это заявление. Она отрицала, что когда-либо писала такое донесение, настаивая на том, что не припомнит, чтобы ей доводилось когда-нибудь бывать в гестапо. «Не знаю, – недоумевает она. – Адрес точен. И подпись – моя. Но откуда взялась эта бумага, понятия не имею». Сегодня мы не можем с уверенностью сказать, имеет ли амнезия Рези Краузе под собой какие-либо медицинские основания или же представляет собой вполне понятный дипломатический ход. Конечно же в наши дни едва ли найдется человек, который захочет сознаться в том, что донес на соседа в гестапо. Но в конце нашего короткого разговора она отпускает многозначительное замечание: «Разговаривала сегодня с подругой, и она сказала: “Боже милостивый! Только подумать, что кто-то поднял дела полувековой давности”. Поверьте, я никого не убивала. Я не хотела никого убивать».

Я никак не могу выбросить из головы фрау Краузе, когда мы оказываемся после беседы на мощенной булыжником площади Вюрцбурга; обыкновенная женщина в свое время приложила руку к обличению ни в чем не повинной девушки. Если и вы по-прежнему верите в то, что в те времена существовали люди, которые сотрудничали с нацистским режимом, и те, кто всецело избежал этого, то встреча с фрау Краузе, несомненно, стала бы открытием и для вас. Ведь несмотря на лежащий среди гестаповских документов донос, подписанный ее именем, она оказалась обыкновенной, добропорядочной женщиной – из тех, кто дружески расспрашивает вас о детях, о том, сколько им лет, и о том, куда вы собираетесь поехать летом.

Если даже фрау Краузе была доносчицей (хотя сама этого и не помнит), то что уж говорить о сотрудниках гестапо? При ближайшем рассмотрении оказывается, что подобно рассказам о том, что «гестапо было повсюду», к мифам можно отнести и образ гестаповцев, фанатиков из СС, которые с момента становления нацистского режима оттолкнули прочь зако-

но послушных, честных полицейских служаков и заняли их места. На самом же деле с появлением нового режима большинство полицейских остались при своих должностях, они просто начали работать несколько иначе, безо всяких ограничений. При нацистах немецкая полиция получила полную свободу действий – теперь можно было игнорировать права подозреваемых и делать то, чем, по ее мнению, должна заниматься сильная полиция, поддерживающая правопорядок.

Генрих Мюллер, печально известный начальник тайной государственной полиции, заступивший на эту должность в 1939 году, не был исключением из этого правила. До прихода нацистов к власти он служил в полиции, работал в политическом ведомстве, где особое внимание уделял партиям левого крыла. Вообще-то Мюллера трудно звать ревностным нацистом, поскольку местная партийная ячейка советовала в 1937 году отказать ему в повышении: Мюллер не обладал качествами, необходимыми для службы на благо нацистов. При оценке его деятельности против объединений левого крыла до того, как нацисты оказались у власти, партийные деятели писали следующее: «Надлежит отметить: его действия против данных движений были крайне жестокими, отчасти он даже пренебрегал законом. Однако несомненно, что Мюллер действовал бы не менее ожесточенно и против правых партий, будь ему такое велено». В отчете высказывают страшную догадку о мотивации, которую предположили у Мюллера нацисты: «С его величайшими амбициями и бесконечным запасом энергии он готов на все, чтобы получить признание в глазах своего руководителя в любой системе». Несмотря на такую отрицательную оценку, Мюллер все же повышение получил. Его непосредственные руководители, Генрих Гиммлер и Рейнхард Гейдрих, должно быть, подсознательно почувствовали: гораздо лучше будет отдать эту должность кому-то суровому и честолобивому, но умелому и знающему свое дело, чем тому, кто просто чуть более соответствует занимаемой должности согласно своим политическим убеждениям»⁸.

Большинство немцев, разумеется, никогда бы не стали связываться с гестапо. Если человек был законопослушен (в глазах нацистов), он пребывал в безопасности. Террор редко принимал произвольные очертания – конечно, если его жертва не принадлежала к числу преследуемых – к нищим, к отбросам общества, коммунистам или евреям.

Хаотичная природа нацистской управленческой системы в Германии указывала на то, что даже нацистская политика антисемитизма до начала Второй мировой войны была не слишком последовательна с точки зрения партии, столь ревностно преследовавшей евреев. Основные положения антисемитизма всегда оставались неизменными, однако у твердокаменных нацистов они приняли особо непримиримые очертания, а потому гонения постоянно ужесточались.

Сразу после выборов марта 1933 года был проведен ряд разрозненных мероприятий против евреев. Отголосок одного из них мы уже видели в Вюрцбурге – публичное унижение и лишение свободы еврея за любовную связь с чистокровной немецкой женщиной (и снова следует упомянуть, что в этом не было ничего противозаконного). Однако неофициальные антисемитские мероприятия могли принимать куда более жестокие формы. Арнон Тамир, пятнадцатилетний юноша-еврей, узнал от своего друга, что сразу после прихода Гитлера к власти в его деревню вошли отряды штурмовиков и отхлестали всех евреев плетьюми так, что те «не могли присесть еще несколько недель». Из всех уголков Германии поступали сообщения о евреях, которые подвергались самым разным оскорбительным наказаниям. (Например, им сбрасывали бороды и заставляли пить касторовое масло.)

Руди Бамбер вместе со своей семьей, входившей в нюрнбергскую еврейскую общину, довольно скоро познакомился с людоедскими методами, применяемыми нацистскими штурмовиками по отношению к евреям: «В 1933 году штурмовики пришли и забрали моего отца и многих других евреев, живших в Нюрнберге. Их увели на заброшенный стадион и приказали зубами прополоть всю траву... Унижали, низводили до скотского обличья, измывались».

От Гитлера не поступало ни одного соответствующего распоряжения, хотя, должно быть, он отнесся бы вполне благосклонно к мотивам тех, кто занимался подобной деятельностью. 1 апреля фюрер одобрил бойкот всех еврейских магазинов и предприятий. Изначально планировалось, что этот бойкот будет бессрочным, но под влиянием Гинденбурга и других членов партии (опасавшихся того, что это скажется на внешней торговле) Гитлер сделал бойкот однодневным. Однако для еврейского населения Германии этот день стал незабываемым. Арнон Тамир видел, как штурмовики обливали краской витрины еврейских магазинов, а затем выстраивались перед входом с угрожающим видом, не подпуская никого к дверям. Военные выкрикивали лозунги: «Немцы никогда ничего не купят у евреев!» и «Евреи – наше проклятие!». Он видел нескольких отважных немцев, которые все же прорвали ограждение, однако эти редкие случаи лишь укрепили его уверенность в безысходности положения евреев в Германии. «Я чувствовал, будто лечу в глубокую пропасть, – рассказывает он. – И впервые осознал, что ни один из тогдашних законов не распространялся на евреев... С евреями можно было вытворять все, что угодно... Евреи – вне закона». В тот самый момент он решил, что прекратит всякое общение с чистокровными немцами. В какой-то мере именно на такую реакцию рассчитывали штурмовики. Нацисты хотели, чтобы все евреи отделились от остального немецкого общества, «основав» отдельное еврейское государство на территории Германии. Впоследствии евреи учредили собственные школы, собственные молодежные и спортивные клубы – они добровольно начали изолироваться от остального общества. Еще более трагичные масштабы эта ситуация принимает на фоне того, что многие евреи приложили нечеловеческие усилия, чтобы стать частью Германии. Хотя географически они и продолжали обитать в пределах нацистского государства, по сути, режим отправил этих людей во внутреннее изгнание.

Среди еврейского населения по-прежнему оставались те, кто цеплялся за надежду на то, что бойкот – не про них, верноподданных граждан Германии, – а про так называемое «мировое» еврейство. Именно такой точки зрения придерживались Арнон Тамир, его родители и друзья. Сегрегация евреев и вступление в силу Нюрнбергских расовых законов осенью 1935 года юридически ограничили степень исключения представителей этой нации из немецкого общества (лишив их германского гражданства и запретив вступать в брак с «арийками»), поэтому многие евреи решили, что режиму удалось побороть ненависть к еврейскому народу. Благодаря усилиям Ялмара Шахта, министра экономики и президента Рейхсбанка, который предвидел тяжкие экономические последствия гонений на евреев, и осознавал необходимость достойно представить рейх на Олимпийских играх (1936), 1936–1937 годы стали для евреев Германии периодом относительного спокойствия. Нельзя сказать, что расовые преследования прекратились – просто по сравнению с жестокими притеснениями прошлых лет жить стало немного легче.

Тем не менее страдания этого народа не прекратились. Программа «ариизации» – изъятия у евреев частных предприятий – лишала их всех средств к существованию. Даже те евреи, что работали на должностях, изначально не запрещенных для них, были разорены. Сразу после бойкота 1 апреля 1933 года на небольшой табачной фабрике отца Арнона Тамира начались неурядицы. Городские табачные торговцы, с которыми у этого человека всегда были хорошие отношения, один за другим отказывались иметь с ним дело, объясняя это тем, что с тех пор, как всем стало известно о его расовой принадлежности, его товары дальнейшей продаже не подлежат. Спустя несколько месяцев этого неофициального «бойкота» фабрикант был вынужден свернуть производство. «Для него это стало тяжелым ударом, – рассказывает Арнон Тамир, – ибо уже в третий раз, после войны и инфляции, он остался без гроша. Несколько недель после закрытия фабрики отец лежал на диване и смотрел в пустоту».

Многие тысячи евреев впали в нищету не из-за неофициального бойкота, как отец Арнона Тамира, а из-за принятия в 1930-х многочисленных законов о запрете на работу евреев

в ряде сфер, например на государственной службе. Многие впали в отчаяние и попытались бежать из Германии.

Карл Бем-Теттельбах соглашается с тем, что несправедливо было вынуждать этих людей покинуть страну, однако «разделяет» чувства нацистов на том основании, что «девяносто процентов» юристов в Берлине в то время были евреями. Бывший банкир Иоганн Цан объясняет сложившуюся ситуацию тем, что «все считали в то время, будто в Германии евреев стало слишком много», упоминая также вышепоименованную «загвоздку»: евреи занимали ведущие позиции в определенных сферах (например, юриспруденции). Если бы не эти ценные замечания современников, легко было бы предположить, с оглядкой на политику антисемитизма, что нацистскую идею расовой дискриминации насаждали вопреки воле большей части населения. Однако от самых разных очевидцев, с которыми удалось побеседовать, мы узнали, что многие немцы радостно поддерживали ограничение нацистами еврейских прав.

Разумеется, причина того, что евреи сосредоточились на определенном роде занятий, уходила корнями своими в далекие века – столетиями евреев не допускали к иным сферам деятельности. «Фактически нас преднамеренно стогнали все это время в один сектор, – поясняет Арнон Тамир. – Так, двести лет назад нам запрещали заниматься земледелием или ремеслами». Но разве может здравый смысл поспорить с предрассудками?

Неевреи делали вид, что все это их не касается. Я спросил Карла Бема-Теттельбаха, как можно было уважать Гитлера и приветствовать то, что он делал для Германии в то время, как евреи массово теряли работу и вынуждены были бежать из страны. Своим ответом, думаю, он выразил всеобщую тогдашнюю точку зрения: «Такое никому и в голову не приходило. Все мыслили одинаково, все были одним целым, не следовало выделяться из толпы. Эпидемия! В какой-то мере таким единством и объясняются события тех лет». Вспоминая собственную службу в люфтваффе в 1930-х, он поясняет: «Мы были молодыми летчиками, целый день проводили в воздухе. Не хотелось обсуждать подобные вещи, мы никогда не поднимали таких тем за офицерским столом. А потом приходили домой, сытно ужинали и ложились спать или отправлялись на танцы».

Арнону Тамиру через многое довелось пройти, взрослея в атмосфере столь «заразительного» антисемитизма. Он то и дело смотрелся в зеркало, разглядывал свой нос – не слишком ли он велик? А нижняя губа – не слишком ли заметно выдается вперед? С немками и вовсе было сложно: «Одну только мысль о дружбе или чем-то более серьезном с немецкой девушкой тут же отравляли отвратительные карикатуры и газетные заголовки, кричащие о том, что евреи заразны». Арнон Тамир заметил, что для убежденных нацистов евреи были не просто чужаками – к ним относились так, будто они состояли родичами дьявола. Однажды, подрабатывая на строительном участке, он с ужасом услышал историю, которую с глубочайшей серьезностью рассказывал молодой штурмовик. Она была о еврейке из его деревни, которую все считали колдуньей. Парень уверял всех, что еврейка могла обернуться лошадью, а потом снова стать человеком. Однажды кузнец изловил ее, когда она не успела еще принять человеческий облик, и подковал, после чего она так и не смогла вернуть себе прежнего облика. «Я наотрез не мог понять, – рассказывает Арнон Тамир, – как вообще можно верить подобным рассказам». В нелепых предрассудках молодого штурмовика отражались представления всего немецкого общества, где евреи составляли очень малую долю: 0,76 процента от всего населения Германии. Иногда гораздо легче бояться невидимого врага, обладающего почти сверхъестественными силами, чем обыкновенного соседа, живущего через дорогу.

Общественные настроения несколько раз накалялись – весной 1933-го и летом 1935 года, но пик антисемитизма в Германии пришелся на лето и осень 1938-го. Жестокость по отношению к евреям вылилась в беспрецедентную форму террора в ночь на 9 ноября – «Хрустальную ночь», ночь битых витрин. За два дня до этого события Эрнста фон Рата, германского дипломата в Париже, застрелил Хершел Гринцпан, еврей польского происхождения, оскорбленный

отношением нацистов к евреям, в частности – к его семье. Его родные оказались в числе тех, кого безжалостно выслали с территории Польши. Йозеф Геббельс узнал о смерти фом Рата и, когда верхушка нацистской партии собралась в Мюнхене, чтобы отметить годовщину Пивного путча, целью которого было свержение баварского правительства, предложил Гитлеру предоставить нацистским штурмовикам полную свободу действий. Тот согласился.

Для Руди Бамбера и его близких «Хрустальная ночь» началась с того, что рано утром их входную дверь с грохотом выбили: «Едва только рассвело, какие-то вооруженные люди ворвались в дом и начали крушить все вокруг. Это были штурмовики. Пока они разносили всю нашу мебель, прибыли еще военные». Он попытался позвонить в полицию, но потом понял всю бессмысленность своей затеи: те, кто вторгся насильно в его дом, сами были представителями властей. «На втором этаже жили три пожилых женщины. Одну из них втащили по полу в гостиную и избили только потому, что она попала им по пути. Меня тоже били, а потом заперли в кухонном погребе... Потом арестовали и вывели на улицу, где я под охраной дожидался, пока они угомонятся». Часто настроение штурмовиков резко менялось. Так случилось и с Руди Бамбером – они передумали заключать его под стражу: «Той ночью многих арестовали, та же судьба наверняка ожидала и меня. Но спустя некоторое время обнаружили, что начальник подразделения уже ушел домой. Должно быть, решил, что уже достаточно сегодня потрудились – это вывело их из себя. Они решили не тратить больше время зря, поэтому, отвесив мне затрепину, сказали: “Пошел вон!” или что-то в этом роде и ушли, оставив меня у дверей». Когда Руди Бамбер вернулся в дом, он застал полнейшее разорение: «Я поднялся наверх и нашел там своего отца. Он был при смерти, умер у меня на руках. Я пытался сделать ему искусственное дыхание, но впустую: наверное, было уже слишком поздно... Это меня потрясло, в голове не укладывалось, как такое могло случиться... Ничем не оправданное насилие против ничего не подозревавших неповинных людей».

Для немцев, таких, как Эрн Кранц, «Хрустальная ночь» тоже стала потрясением, потому что «именно с этой ночи мы о многом задумались. И действительно – сначала всех нас окрыляла надежда. Затем наша жизнь стала налаживаться, в стране воцарились порядок и благополучие. И вдруг довелось заново осмысливать происходящее». Мы спросили, стала ли она противницей режима после этого события. «Нет, что вы, – горячо возразила она, – разумеется, не стала. Когда вся нация кричит: “Хайль!”, что может поделать один человек? Мы смирились. Мы все поддерживали режим. У нас не было выбора, все остались верноподданными».

Простые жители отреагировали на «Хрустальную ночь» по-разному. Многих она ошеломила, кто-то испытал отвращение, кого-то эта ночь насилия и вандализма потрясла до глубины души. Кто-то ругал режим за громадный ущерб, нанесенный всем жителям страны. Некоторым стало стыдно за то, что цивилизованная нация покорила и не смогла воспрепятствовать подобному варварству. Кто-то исполнился хоть и молчаливого, но все же чисто человеческого сочувствия. Однако подавляющее большинство немцев, как оказалось, всецело поддерживали гонения евреев в Германии. Евреи были брошены на произвол судьбы.

После «Хрустальной ночи» местное население в Нюрнберге не стало скрывать своего отношения к безутешному Руди Бамберу и его родным: немцы выбили окна в их доме камнями.

Не сохранилось ни одной достоверной записи о том, сколько евреев погибло в «Хрустальную ночь», или о том, сколько имущества тогда уничтожили. Согласно последним исследованиям профессора Мейера Шварца (биолога из Тель-Авива, чьего отца также прикончили нацисты), в ту ночь в Германии разрушили свыше тысячи синагог, и убили по меньшей мере четыреста евреев.

Обстоятельства, при которых произошло это трагическое событие, в очередной раз показали, насколько важные события могли приключиться в Германии при нацистском режиме и какой размах могло принять насилие, стоило Гитлеру лишь дать свое согласие. Собственная репутация фюрера ничуть не пострадала. Он никогда открыто не обсуждал «Хрусталь-

ную ночь», и те немцы, которые хотели верить в его непричастность к погрому, вновь списали жестокость штурмовиков на Геббельса и рядовых членов партии.

После «Хрустальной ночи», в том же году, по проекту Альберта Шпеера построили новое здание рейхсканцелярии, которое символизировало власть и авторитет нацистского режима. Но и в новых стенах стиль управления Гитлера не поменялся – в правительстве царил хаос. По словам доктора Гюнтера Лозе, немецкого министра иностранных дел, главная беда Гитлера была в том, что он мог назначить двух чиновников в два разных ведомства, но функции они выполняли почти одни и те же, поэтому возникали сложности с разделением обязанностей. Отсюда проистекали бесконечные разногласия в правительстве. Гитлер отдавал распоряжение, а подчиненные «строили на нем целую доктрину». Когда начинались неизбежные споры между чиновниками, Гитлер редко принимал решения, основываясь на объективной оценке предмета спора, и никогда не брал ничьей стороны. Он просто говорил своим министрам: «Сядьте вместе и обсудите вопрос, а договоритесь – приходите ко мне».

В духе вечного соперничества Гитлера обслуживало не одно ведомство, а целых пять. Среди них была Имперская канцелярия под руководством Ганса Генриха Ламмерса, Канцелярия руководителя партии во главе с Филиппом Бойлером, Президентская канцелярия, шефом которой служил Отто Мейснер, ведомство шефа адъютантов Гитлера Вильгельма Брюкнера, и Штаб заместителя фюрера, начальником которого был Мартин Борман. Поскольку все эти чиновники были официально объявлены представителями Гитлера, большую часть времени они боролись между собой за сферу полномочий. Все они постоянно искали новые способы угодить фюреру, чтобы увеличить круг своего влияния. В итоге правительство создало систему, при которой случайные события могли привести к проведению коренных реформ. Самым ужасающим примером того, как распри внутри рейхсканцелярии отражались на политике государства, можно назвать одну из самых отвратительных реформ Третьего рейха – программу «Эвтаназия». Когда ее приняли, в первые годы умерщвлялись неизлечимо больные дети до 3 лет⁹.

Примерно в конце 1938 – начале 1939 года Гитлеру на стол попала петиция – одна из сотен, получаемых Канцелярией руководителя партии каждую неделю. Ее написал отец ребенка-инвалида. Следует отметить, что в системе, в которой напрочь отсутствует демократическое представительство, личное письмо фюреру, напоминающее петицию королю времен Средневековья, стало для населения одним из немногих способов повлиять на свою судьбу. Этот человек писал о своем сыне, который родился слепым, умственно отсталым, с одной ногой и без части руки. Он хотел, чтобы его сыну «облегчили страдания». Чиновники тут же решили, что эта петиция непременно должна оказаться среди тех, которые они отнесут Гитлеру на личное рассмотрение, а не ответят на нее сами или передадут в другие правительственные учреждения. Процесс «отбора» почти всегда представлялся как «служение идее фюрера» и заключался в попытках предугадать, какие письма будут ему интересны. Для тех, кто знал об увлечении Гитлера социал-дарвинистскими взглядами, было очевидно, что эта просьба подкрепит его предрассудки (законы о принудительной стерилизации людей, страдающих психическими заболеваниями, уже были приняты). Гитлер прочел петицию и поручил своему личному врачу, доктору Карлу Брандту, осмотреть ребенка и умертвить его, если выяснится, что отец верно изложил суть проблемы. Согласно послевоенным свидетельствам доктора Ганса Хефельманна, высокопоставленного чиновника Канцелярии руководителя партии, именно «дело Кнауера», как его стали позже называть, вдохновило Гитлера на наделение Брандта и Бойлера полномочиями поступать так же в любых подобных положениях.

Так начался период, во время которого доктора и другие медицинские служащие составляли подробный перечень критериев, по которым, согласно новой политике, оценивалось, является ли ребенок «неполноценным». «Неполноценными» считались дети, страдающие «идиотизмом и болезнью Дауна... дети с любыми физическими дефектами, в частности, отсут-

ствием конечностей, расщелиной позвоночника и др.». Истории болезни отправлялись в рейхс-комитет, откуда их пересылали трем педиатрам, выступавшим в качестве экспертов. Те пометали каждую «историю» знаком «плюс», если ребенок подлежал умерщвлению, и знаком «минус», если он, по их мнению, умерщвлению не подлежал. Ни один из трех врачей, выносивших приговор, не видел детей вживе: решения принимались только на основании полученных бумаг.

Родные Герды Бернхард стали одними из тысяч тех, кто пострадал от политики «эвтаназии», разгар которой пришелся на первые годы войны. Младший брат девушки, Манфред, всегда отставал в развитии от других детей. Когда ему исполнилось десять, он по-прежнему говорил, как трехлетний ребенок. Все, что он мог сказать, – это слова «мама», «папа» и «Хайль Гитлер». Последним малыш страшно гордился. Некоторые соседи по подъезду бессердечно замечали, что лучше было бы просто «усыпить» мальчика, но мать Манфреда не могла согласиться на такое. В конце концов, мужу удалось убедить ее, что нужно отправить сына в детскую больницу «Аплербек», находящуюся неподалеку, в Дортмунде. Манфреду было уже двенадцать. Он становился для семьи обузой. «Аплербек» устроили прямо на ферме, и герр Бернхард успокаивал жену тем, что малышу пойдет на пользу общение с животными.

Сделав все необходимые приготовления, Манфреда отправили в лечебницу. Родители исправно навещали его раз в две недели – согласно правилам учреждения. Герда тоже приезжала к брату так часто, как только могла, привозила ему небольшие гостинцы. Но потом девушка заметила в малыше перемены – незадолго до первого его Рождества в этой больнице. Его вывели в приемную в одних трусиках, хотя прежде такого не случалось; он выглядел вялым и едва держался на ногах. Герда обняла его на прощание. То был последний раз, когда она видела его живым.

Руководство больницы сообщило, что Манфред умер естественной смертью – от кори, но от внимания Герды Бернхард не укрылось, что в то время в «Аплербеке» умерло немало детей. Она попросила разрешения взглянуть на тело брата, и, когда получила согласие, ее привели в комнату, где на полу лежало пятнадцать умерших малышей, завернутых в белые простыни. Медсестра переходила от одного тела к другому, открывала их лица и спрашивала: «Это ваш брат?», и каждый раз Герда отвечала: «Нет». Ее брата не оказалось среди них, его тело нашли в другой комнате. Оно все еще лежало на каталке.

После похорон отец объявил семье: «Они убили нашего сына»; но у него не было никаких доказательств. Только впоследствии вскрылись материалы, благодаря которым удалось полностью восстановить картину этой истории. Теперь мы с уверенностью можем сказать, что сотрудники «Аплербека» убивали детей, вверенных им в попечение.

Пауль Эггерт тоже содержался в «Аплербеке» примерно в то же время, когда там жил Манфред. Его отец был горьким пьяницей, а в семье насчитывалось двенадцать детей. Из-за такой семейной истории (нацисты классифицировали ее как «антиобщественную») Пауля Эггерта принудительно стерилизовали в больнице в Билефельде, когда ему исполнилось одиннадцать, а затем отправили в «Аплербек» для «оценки» здоровья. Поскольку Пауль не страдал психическими отклонениями, ему то и дело поручали какую-нибудь простую работу – сменить постельное белье или довести каталку с грязным бельем до прачечной. Однажды ему показалось, что каталка тяжелее, чем обычно, и, покопавшись, он обнаружил тела двух девочек и мальчика.

Жизнь в «Аплербеке» мало отличалась от какого-нибудь современного фильма ужасов. Каждый день ужин становился для детей настоящим кошмаром: в столовую вместе с медсестрой приходил доктор Вейнер Зенгенгоф, один из ведущих специалистов «Аплербека». Они называли имена детей, которые должны были на следующее утро прийти в смотровую доктора на «вакцинацию»; но остальные довольно скоро заметили, что те, кого приглашали на эту «вакцинацию», никогда больше не возвращались. Однажды, когда Пауль Эггерт проходил мимо

смотровой, оттуда выскочил мальчик, который буквально повис на нем, умоляя о помощи, но тут из комнаты выбежала медсестра и увела ребенка обратно. Пауль Эггерт рассказывает, что «эти образы до сих пор возникают у меня перед глазами, когда я ложусь спать ночью, я по сей день не могу их забыть».

Очень сложно оказалось собрать исторические свидетельства о том, что на самом деле происходило в таких лечебницах, как «Аплербек». Почти все документы, которые могли бы послужить неоспоримым доказательством, были сожжены в последние месяцы войны. И даже после 1945 года и те, кто злодействовал, и те, кто были очевидцами, по-прежнему хранили молчание. Так, Тео Нибель, руководивший детским отделением в «Аплербеке» при нацистском режиме, продолжал работать там до выхода на пенсию в 1960-х годах. По словам местного историка, Уве Битцеля, «возможность достучаться до правды появилась только тогда, когда непосредственные участники тех событий оставили свои должности в лечебнице». Герр Битцель приравнивает это к преступлению: «Мне отвратительна мысль о том, что после 1945 года ни один из этих людей не встал и не воскликнул: “Я совершал ужасные дела. Признаю, мы все участвовали в этом кошмаре”. Но они отмалчивались, все отрицали и лгали – в большинстве случаев их реакция была весьма и весьма банальной».

Уве Битцель ведет нас в пыльный подвал «Аплербека» и показывает те немногочисленные сохранившиеся записи, благодаря которым он по кусочкам собрал истинную историю этого учреждения. Согласно официальным документам о смертях, случавшихся в больнице, большинство детей умирали от непримечательных заболеваний, вроде кори или «общей слабости». В тот же день, когда ушел из жизни Манфред Бернхард, скончалось еще двое детей. В последнюю неделю его жизни умерло еще одиннадцать пациентов лечебницы. А через неделю после его смерти было зафиксировано еще девять смертей. Уве Битцель приходит к такому выводу: «При таком высоком уровне смертности просто невозможно, чтобы все дети умерли по естественным причинам». На самом деле, за «корью» или «общей слабостью» в «Аплербеке» скрывалась смертельная передозировка фенobarбиталом (сильным успокоительным) или морфием.

Происхождение и практика детской эвтаназии в Третьем рейхе не только отвратительны, но и крайне поучительны. Как мы видим, ее истоки лежат не только в нацистской расистской идеологии, но и в беспорядочности решений, принимаемых в Германском рейхе. Одно случайное письмо фюреру на тему, близкую его сердцу, вылилось, в конце концов, в убийство более пяти тысяч детей. К тому времени, как умер Манфред Бернхард, то есть уже через два года после запуска этой политики, врачи таких специализированных лечебниц, как «Аплербек», даже перестали заполнять анкеты Бойлера. Типичный пример того, что может случиться, если политика выходит из-под контроля: сотрудники стали самостоятельно отбирать детей, подлежащих умерщвлению. Хаотичный радикализм, свойственный нацистской системе, заключался в том, что, в отличие от других фашистских государств – Италии и Испании, немецкий фашизм попросту не мог изменить существующее положение вещей, каким бы отвратительным и ужасающим оно ни было. Любая идея, заботливо преподнесенная вождю, постоянно витавшему в облаках, – преподнесенная с единственной целью: доставить вождю радость! – могла в мгновение ока вырасти в нечто невероятное. И последствия этого стали ужасающими не только для Германии, но и для всего мира.

Разумеется, в 1939 году подавляющее большинство немцев понятия не имели о беспощадном умерщвлении детей. Они не знали ничего ни о хаосе, царившем в нацистском правительстве, ни о его причинах. Никто не понимал, почему гестапо работало столь эффективно. Все, что замечали жители Германии, – это отличное государственное развитие. Развитие государства, частью которого все они являлись.

Ни изучение документов, ни мнения ученых не смогли заставить меня понять, как можно было накануне Второй мировой войны искренне *любить* нацистскую Германию. Но после того, как я один за другим выслушал рассказы очевидцев, – которые, кстати говоря, не принадле-

жали к числу фанатиков, беззаветно преданных нацизму, но все же рассказывали о радостных переменах в своей жизни, – где-то на задворках моего сознания забрезжил проблеск. Пережив хаос и унижения, любой с радостью примет порядок и безопасность. И если за это нужно будет уплатить цену «меньшего зла», то люди согласятся принести нужную жертву. Однако это их не оправдывает, ибо на самом деле не существует понятия «меньшее зло». Мне на ум отчего-то приходит старый анекдот о мужчине, который предложил женщине провести с ним ночь за десять миллионов фунтов, на что женщина тут же согласилась. А мужчина ответил ей так: «Что ж, ваша порядочность несомненна; а теперь – поторгнемся».

Для немецкого народа цена «меньшего зла», в конце концов, оказалась невероятно высокой.

Глава 3

Ошибочная война

Вбергхофе, своей резиденции, скрывавшейся в тенистой долине Баварских Альп, Гитлер с увлечением смотрел художественные фильмы. Среди его любимых картин была голливудская эпопея о приключениях и завоеваниях – «Бенгальские уланы», вышедшая на экраны в 1930-х годах. Идея фильма пришлась Гитлеру по душе: показывалось, как одна из «арийских» наций поработила другую, более многочисленную, однако «низшую» расу.

«Стоит поучиться у англичан, – произнес Гитлер за обедом 27 июля 1941 года. – Всего лишь двести пятьдесят тысяч колониальных служащих, из них пятьдесят тысяч – военные, правят четырьмястами миллионов индийцев»¹. Это, по мнению Гитлера, недвусмысленно свидетельствовало о превосходстве «арийской расы»: англичане сумели подчинить себе Индию с помощью относительно небольших военных сил только потому, что в английских жилах текла более чистая кровь. «Чем Индия стала для Англии, – сказал Гитлер в 1941 году, – тем же станут для нас русские земли. О, если бы я сумел растолковать немецкому народу, какую роль сыграют для нас эти бескрайние просторы в будущем!»²

Став в 1933 году канцлером, Гитлер решил завязать тесные дружественные отношения с Англией (под которой он понимал всю Великобританию). Доктор Гюнтер Лозе из немецкого Министерства иностранных дел говорит: «Он хотел, чтобы Англия стала Германии союзником, настоящим союзником». Другие дипломаты также подтверждают его слова. Так, Герберт Рихтер свидетельствует: Гитлер видел в англичанах равноправных членов клуба избранных «высших рас».

Но уже в 1939 году Гитлер начал войну с Великобританией – единственной страной во всем мире, с которой он хотел бы выступить единым фронтом, и подписал договор о ненападении с Советским Союзом – единственной страной, как выяснится позднее, в которой фюрер видел опасность для своего народа. Эта война не входила в его планы. Но и характер Гитлера, и тогдашнее международное напряжение, и само устройство нацистского государства – все это в сочетании сделало войну неизбежной. Тем не менее, согласно изначальной точке зрения Гитлера, война 1939 года была ошибкой. Как же мог он, человек, славившийся политической прозорливостью, допустить такой беспорядок в собственной внешней политике?

Придя к власти в январе 1933 года, Гитлер заявил перед лицом всего мира, что хочет избавить Германию от оков Версальского договора и снова сделать страну могучей. Для достижения этой цели государство остро нуждалось в массовом перевооружении. Ответ, который Гитлер дал рейхсминистру транспорта, предложившему в феврале 1933 года создать новое водохранилище, наглядно демонстрирует, что для Гитлера политика перевооружения была важнее всего прочего: «В следующие пять лет Германия посвятит себя перевооружению, дабы немецкие граждане снова получили возможность носить оружие. Теперь каждое государственное начинание, увеличивающее трудовую занятость, надлежит рассматривать с главной точки зрения: необходимо ли оно для того, чтобы немцы снова смогли носить оружие и служить в армии?»³

Однако перевооружение было возможно лишь в том случае, если бы немецкая экономика хоть как-то подкреплялась финансово. Но Гитлер почти ничего не знал об экономической теории. «Нацистское движение действительно было крайне примитивным», – подтверждает банкир Иоганн Цан, который лично был знаком с Ялмаром Шахтом – человеком, поднявшим на ноги немецкую экономику в 1930-х годах. Верно, Гитлер не разбирался в управлении экономикой – зато Шахт полагал себя всеведущим. «Вполне очевидно, – с осторожностью замечает Цан, – что Шахт был весьма самоуверен». В 1923 году Шахта в возрасте сорока шести лет

назначили государственным комиссаром по валютным делам. Он получил приказ стабилизировать экономику в условиях безудержной инфляции; несколько позднее, в том же году, он стал президентом Рейхсбанка. В 1930 году, в знак протеста против предложенного немцам и принятого немецким правительством Плана Янга – режима репарационных выплат победителям в Первой мировой войне – Шахт вышел в отставку. Он вновь присоединился к Гитлеру и нацистам, чтобы решить экономические проблемы Германии. «Я хочу, чтобы Германия стала великим и сильным государством, – сказал тогда он, – и ради этого я вступлю в союз хоть с самым дьяволом»⁴.

Гитлер назначил Шахта на должность министра экономики в 1934 году и принял закон, наделяющий его неограниченной властью в этой сфере. Безработица уже пошла в то время на спад в итоге обширных программ по созданию рабочих мест, – например программы строительства скоростных автострад, а экономика в целом начала оправляться от последствий Великой депрессии. Шахт сумел выделить средства на перевооружение благодаря векселям «МЕФО» – разновидности дефицитного финансирования, у которой есть два преимущества: эти векселя позволяли проводить первые рискованные этапы перевооружения в относительной секретности, а также давали немцам возможность платить за перевооружение в кредит. На руку нацистскому режиму сыграл также стремительный подъем мировой экономики и последующая отмена репарационных выплат, «выторгованная» канцлером Брюнингом на Лозаннской конференции в 1932 году.

Гитлеру эти радикальные изменения в экономике, должно быть, казались настоящим волшебством – или попросту еще одним проявлением его собственной воли. Его, разумеется, мало заботило, *каким образом* Шахт совершает подобное чудо. В августе 1942 года Гитлер сказал по этому поводу следующее: «Во время наших встреч я никогда не спрашивал Шахта, откуда брались средства, поступающие в наше распоряжение. Я только говорил: Вот что мне требуется и вот что мне необходимо»⁵.

Армия ликовала – действия Гитлера вызывали у военных бескрайний восторг. Гитлер наконец-то избавлял Германию от «позора», именовавшегося разоружением. «Он везде пользовался безоговорочной поддержкой, – вспоминает граф фон Кильмансегг, который был тогда в чине армейского офицера, – и никогда не спрашивал о цене происходящих перемен. Наконец-то, по всеобщему мнению, была создана армия, способная по-настоящему защитить Германию. *Рейхсвер* (догитлеровские германские вооруженные силы), в котором числилось около ста тысяч человек, не мог служить защитой. Кстати, вспомните: после Первой мировой войны Германия оказалась окружена своими главными врагами». Для большинства солдат, с которыми мы беседовали, перевооружение имело символическое, почти духовное значение: благодаря ему страна вернула себе прежнее могущество. Некоторые считали, что, если бы перевооруженные войска пригрозили соседям Германии, многие несправедливости Версальского мирного договора были бы исправлены – и тогда все пошло бы на должный лад. Никто из тех, с кем мы беседовали, не считал, что в 1930-х немецкий народ готовился к новой захватнической мировой войне. Еще в 1924 году Гитлер четко обрисовал в книге «Майн кампф» новые внешнеполитические цели: «Мы возвращаемся на шестьсот лет назад и начинаем сызнова. Мы прекращаем вечное германское стремление на юг и на запад Европы и устремляем свои взоры к востоку... Впрочем, говоря о нынешних новых землях в Европе, следует иметь в виду главным образом Россию и сопредельные, подчиненные России, государства. Здесь, похоже, сама Судьба желает указать нам путь»⁶. Но каким образом Германия займет эти новые земли? Ответ прост и понятен: «Ныне существуют на Земле огромные пространства неиспользованной земли, ожидающие своих пахарей. Однако, несомненно, что эта невозделанная земля вовсе не создана самой Природой как будущее достояние определенной нации либо расы. Напротив,

земли предназначены людям, обладающим силой, чтобы взять их, и трудолюбием, чтобы их возделывать»⁷.

Мало кто в то время был знаком с «Майн кампф», а те немногие, которые все же прочли эту книгу, оставили ее без внимания. «Никто не полагал, будто “Майн кампф” играет хоть малейшую роль, – говорит дипломат Манфред Фрайхерр фон Шредер. – И что скажут нынче политики, вспоминая, как отзывались они об этом труде двадцать лет назад?»

«Я хотел бы немного отвлечься от нашей темы, – предлагает Иоганн Цан. – Возьмите, к примеру, христианство, библейские заповеди, катехизис. Вы знакомы хоть с одним человеком, который выполнял бы или хотя бы делал вид, что выполняет их все – на сто процентов? Вот так же все думали и о “Майн кампф” – в ней изложены “заповеди”, идеи, но никто не соби-рался воспринимать их буквально». Герберт Рихтер, бывший сотрудник внешнеполитического ведомства, рассказывает: «Каюсь: я прочел первые пятьдесят страниц и счел это настолько разумным произведением, что решил не читать его дальше».

Если бы эти господа более серьезно восприняли прочитанное в «Майн кампф», они бы знали: Гитлер считал, что Германии не хватает *Lebensraum*, жизненного пространства. Если жизнь – это борьба между сильнейшими расами, то для триумфа немцам нужно было найти правильное соотношение между количеством населения и площадью сельскохозяйственных угодий. Но, по словам Гитлера, Германии катастрофически не хватало земли, столько необходимой для поддержки сильного населения. С его точки зрения, немцы были «нацией без земли».

Гитлер изучил политическую карту мира и обнаружил лишь одну страну, которая успешно разрешила проблему с недостатком пространства для жизни – Англию. В первые годы своего канцлерства Гитлер лелеял мечту о заключении союза с Англией. Ему претила мысль о разрешении конфликтов в коллективной Лиге Наций – он собирался разделить со всеми европейскими нациями, одна за другой.

Обдумывая политику дружественных отношений с Англией, Гитлер одновременно старался пошатнуть ограничения, наложенные Версальским соглашением. После того, как Гитлер вознамерился добиться пересмотра условий Версальского договора, касающихся вооружения Германии, но ему ответили отказом, Германия в октябре 1933 года демонстративно выходит из состава Лиги Наций и отказывается от участия в Женевской конференции по разоружению. Теперь Гитлер попытался заключить отдельное соглашение с Англией. Именно в эти дни выходит на сцену самый странный германский нацист – Иоахим фон Риббентроп. Гитлера настолько впечатлил этот бывший торговец вином, женившийся по расчету ради положения в обществе, что он тут же сделал его своим личным эмиссаром и отправил в Лондон заключать пакт о ненападении между двумя странами. Скрытый смысл этой предполагаемой дружбы между государствами заключался, по словам бывшего дипломата Рейнхарда Шпитци, в следующем: «Фактически Британия и Германия должны были поработить весь мир. Британия должна была властвовать на море, а Германия – от Рейна до Урала».

В 1935 году «ухаживания» за Англией принесли первые плоды. В результате ряда встреч Гитлера и Риббентропа с сэром Джоном Саймоном, британским министром иностранных дел, и Энтони Иденом, его заместителем, было заключено англо-германское морское соглашение, согласно которому Германия могла построить надводный флот в размере тридцати пяти процентов и подводный – в размере ста процентов от английского. Важным фактором, повлиявшим на решение Британии подписать это соглашение, было то, что англичане считали наказание, примененное к Германии Версальским договором, слишком жестоким, и думали, что пришла пора сделать разумную уступку Адольфу Гитлеру.

В марте 1935 года Германия объявила, что не намерена в будущем придерживаться оборонных ограничений, обусловленных Версальским соглашением. В апреле Лига Наций одобрила предложение о вынесении вотума недоверия немцам. Англичане, подписав морское

соглашение, продемонстрировали, сколь малое значение они придали реакции Лиги Наций на военную экспансию Германии. Гитлер описывает день, когда он узнал о заключении морского соглашения, как «самый счастливый день своей жизни»⁸.

В следующем году Риббентропа назначили послом Германии в Великобритании. И он в первый же день не произвел хорошего впечатления. При вручении верительной грамоты королю он поднял правую руку в гитлеровском приветствии. Британская пресса осудила его, но он с тех пор повторял знаменитый жест каждый раз, когда встречался с королем, иначе бы потерял лицо. Доктор Лозе, который работал с Риббентропом, полагает, что тот «не мог и не желал простить англичанам свою собственную ошибку».

Атмосфера в лондонском посольстве была отнюдь не радужной. По словам Рейнхарда Шпитци, который служил там, с Риббентропом было практически невозможно работать, он бесконечно переносил встречи; был «напыщенным, самодовольным и не слишком сообразительным». Еще более серьезным ударом по его репутации стало его плохое обращение с английскими торговцами и лавочниками. Он заставлял портных ждать встречи часами, даже не догадываясь, что они могут рассказать о его опрометчивом поведении другим своим клиентам-аристократам. «Он вел себя безрассудно и заносчиво, – критикует его Шпитци, – а англичане заносчивых людей не любят».

Риббентроп вызывал острую неприязнь у всех, кто встречался ему на пути. Геббельс говорил о коллеге следующее: «Он купил себе имя, женился по расчету и обманом попал в министерство»⁹. Граф Чиано, итальянский министр иностранных дел, отмечал, что «дуче как-то подметил, что достаточно посмотреть на голову Риббентропа, чтобы понять, насколько мал его мозг»¹⁰. Этот человек был единственным представителем верхушки правящей партии, о котором мы слышали только отрицательные отзывы. Герберт Рихтер считал Риббентропа ленивым и бесполезным, а Манфред фон Шредер называл его «тщеславным и амбициозным». Ни один нацист не вызывал такого враждебного отношения у своих же соратников.

Гитлер отлично знал о том, какого низкого мнения его подчиненные о Риббентропе. По словам герра Шпитци, как-то в разговоре с Гитлером Геринг назвал немецкого посла «ослом». Гитлер ответил: «Но все же он знает многих важных людей в Англии», на что Геринг резко возразил: «Мой фюрер, возможно, вы и правы, но гораздо хуже, что эти люди тоже отлично знают его».

Так почему же Гитлер столько времени упрямо поддерживал Риббентропа? На самом деле ответ лежит на поверхности. Риббентроп лучше других понимал, как вести себя с Гитлером. Для начала он превратился в обычного блюдолиза. «Риббентроп ничего не смыслил во внешней политике, – рассказывает Герберт Рихтер. – Единственным его желанием было угодить Гитлеру. Хорошие отношения с Гитлером – вот в чем заключалась его единственная политика». Воплощая эту «политику» в жизнь, Риббентроп не гнушался никакими средствами, даже услугами доносчиков. Он часто просил тех, кто обедал с Гитлером, пересказывать ему каждое слово фюрера. А на следующий день излагал ему те же мысли так, будто они были его собственными. Гитлер, естественно, не мог не согласиться с предложениями Риббентропа. Но была и еще одна причина особого отношения фюрера к этому человеку. Как рассказывает Рейнхард Шпитци, «когда Гитлер говорил “серое”, Риббентроп тут же кричал “черное, черное, черное”. Он всегда повторял все по несколько раз и бросался в крайности. Как-то раз мне довелось услышать такие слова Гитлера о своем преданном слуге, пока того не было рядом: “С Риббентропом просто, он всегда придерживается радикальной точки зрения. А все остальные мои подчиненные приходят сюда со своими проблемами, боятся чего-то, их головы загружены всякими посторонними задачами, и я просто вынужден ругать их, чтобы они стали сильнее. А Риббентроп разглагольствовал целый день, покуда я молчал и бездействовал. Я сумел передохнуть – и отлично”».

Так, несмотря на свои очевидные промахи, Риббентроп подобрал ключик к доверию Гитлера, нашел нечто, чего не хватало большинству его заметно более одаренных коллег: он понял, что фюрера всегда радуют радикальные меры. Одно это уже значило, что нацистская внешняя политика неизбежно кончится кризисом. Для Гитлера самым заманчивым решением любой и всякой проблемы было радикальное решение. Не важно, принималось ли такое решение – будучи предложено, оно свидетельствовало о высших нацистских доблестях того, кто предлагал. Как результат Гитлер ценил в своих подчиненных верность и радикализм выше, чем ум и способности. Одним из первых это заметил Ялмар Шахт, самый образованный представитель правящей верхушки нацистской партии.

«Нацисты все силы бросили на борьбу с наиболее насущными проблемами, – говорит Иоганн Цан, – то есть безработицей и разоружением, по сути, не имеющими глубокой связи с вопросами экономическими». Вспоминая политику Шахта в 1933–1935 годах, Цан рассказывает следующее: «Нацисты решили проблему просто – повысив денежный оборот, не понимая при этом истинной сути понятия инфляции». Беда нацистской политики перевооружения и дорожно-строительных работ крылась, по мнению г-на Цана, в том, что «автомагистраль не выставишь на витрину магазина, и автостраду нельзя продать, поэтому покупательская способность населения остается на том же уровне». Как экономист, Цан знал то, о чем Гитлер даже не подозревал: деньги – это покупательная способность, а искусственно повышать покупательную способность, не имея товаров для продажи, возможно лишь на собственный страх и риск.

По словам герра Цана, Шахт прекрасно был осведомлен о дестабилизирующем и инфляционном давлении, которое оказывали на немецкую экономику его краткосрочные решения, касающиеся финансирования перевооружения. Ему было известно и о том, что, если промышленность не произведет как можно скорее товары, которые можно будет выставить на продажу в магазинах или экспортировать с целью привлечения иностранной валюты, Германия неотвратимо двинется к разрухе. Он обрисовал сложившееся положение в ноябре 1938 года: произнес речь, эхом повторяющую слова герра Цана касаясь того, что с увеличением денежного оборота германская экономика создавала спрос, которого не могла удовлетворить. В тот день Шахт пришел к следующему выводу: «Уровень жизни и объем производства оружия находятся сегодня в обратном соотношении»¹¹.

Иоганн Цан рассказал о том, что к 1938 году неизбежность провала нацистской экономической политики понимал не только Шахт: «Все мы, в том числе и я сам, недооценивали то, к чему может привести государственная политика, направленная на замораживание заработной платы, валютный контроль и открытие концентрационных лагерей».

После того, как страна просуществовала на дефицитном финансировании несколько лет (взамен «первоначального вливания денег», которое одобрили бы опытные экономисты; в этом случае дефицитное финансирование служит лишь «первотолчком», выводящим экономику из застоя), Шахт, должно быть, задался следующим вопросом: как теперь вывести Германию из этого хаоса? Ответ был пугающе очевиден (во всяком случае, для герра Цана): «Однажды нацистский режим потерпит полный экономический крах, а Гитлер без лишних сантиментов решит, что чего нам не дали по собственной воле, то он возьмет сам, развязав войну. Так началась война, и так она была проиграна».

Документы свидетельствуют о том, что, хотя Гитлер и знал об экономических проблемах, возникших в результате финансирования перевооружения, в его глазах внутривнутриполитические сложности меркли на фоне назревающих глобальных проблем во внешней политике, решить которые могла только политика перевооружения. В меморандуме, выпущенном в Берхтесгадене в 1936 году, Гитлер объявил: «Германия, как всегда, станет основным полем боя в борьбе западного мира с большевизмом. Для меня такое положение неприемлемо, это – непосильная ноша и серьезная преграда на пути развития нашей нации... Масштабы милитаризации нашего производства не могут быть слишком велики, а ее темпы будут только расти...

Если мы не успеем как можно скорее поднять наши вооруженные силы до уровня величайшей армии в мире, если не успеем обучить войска и улучшить подготовку каждого солдата, под которой я понимаю как навыки обращения с оружием, так и прежде всего идейное воспитание, Германия потерпит поражение!» Гитлеру казалось нелепым заниматься маловажными экономическими заботами, когда требовалось вооружить страну ввиду ощутимой большевистской угрозы. «Именно поэтому все прочие стремления без исключения должны отходить на второй план на фоне нашей главной задачи [переворужения]. Ибо здесь речь идет о жизни и о том, как уберечь жизнь, а все остальные «пожелания» – которые были бы вполне понятны, сложились обстоятельства иначе, – ничтожны и даже опасны, и потому надлежит их отвергнуть»¹².

В то же время, когда Гитлер выпустил этот меморандум, предвосхищая внедрение «Четырехлетнего плана», он решил, что Шахта нужно отстранить «на обочину», поручив управление ускоренным производством вооружения кому-нибудь другому – кому-то, кто меньше интересуется тонкостями экономической теории и больше заботится о жесткой доктрине нацизма. Этим человеком стал Герман Геринг. В гитлеровском правительстве у Шахта больше не было будущего. В конце концов, он вышел в отставку и покинул пост министра экономики 26 ноября 1937 года.

Шахт – олицетворение всех приверженцев нацизма, которые видели в новом режиме долгожданный поворот к лучшему – прочь от зыбкой ненадежности Веймарского периода, – всех, кто боролся за устойчивое государственное правление, всех, кто хотел жить в сильной и процветающей Германии. Если этого можно достичь лишь установлением диктатуры, то да будет так! Краткий опыт демократического правления не пошел Германии на пользу. Но, по мере того как гитлеровский режим набирал силу, Шахта все больше тревожило истинное лицо нацизма. Он верил, что не следует препятствовать перевооружению как таковому. Фактически эта политика должна была помочь возродить экономику, отринуть постыдные условия Версальского договора, отнявшего у германских граждан чувство собственного достоинства и выставившего их на всемирное посмешище. Но для Гитлера выполнение этой задачи стало единственной целью, он готов был уплатить любую цену, лишь бы Германия оказалась готова к новой войне.

В ходе подготовки материалов для съемок телевизионного сериала, на котором основана эта книга, мне встретилось много людей, которые «прозрели» подобно Шахту, хотя в большинстве случаев прозрение пришло несколько позже. Многие считали, что нацизм принесет стабильность Германии, и первые годы после установления режима, ознаменованные проведением в Берлине Олимпийских игр в 1936 году, лишь укрепляли их веру. Многие пытаются сегодня настаивать на том, что, по сути, страной управляли совершенно разные «Гитлеры». Они вспоминают «доброе» Гитлера 1930-х годов, «воинственного» Гитлера первых лет войны и «злого» Гитлера времен холокоста. Их можно понять – лишь немногие готовы согласиться с тем, что служили составной частью чего-то изначально гнилого и страшного; но так оно и было. «Ночь длинных ножей», Дахау и другие концентрационные лагеря, расизм и антисемитизм – все эти коренные проявления истинной нацистской идеологии появились в Германии с самого начала. Поговорив со всеми этими людьми, мне в какой-то момент показалось, что для них принятие нового режима было в чем-то сродни полету на ракете. Люди хотели испытать захватывающие, новые ощущения. Потом, когда ракета поднялась выше облаков, люди забеспокоились. «Было славно и весело, но теперь пора возвращаться», – могли бы сказать они. Но ракету уже нельзя было развернуть в обратную сторону. Она мчалась все выше и выше, в зловещую, непроглядную даль. «Но мы ведь желали всего лишь увеселительного полета, – отчаиваются они в конце этого безумного странствия, – мы не собирались отправляться во тьму!» Однако стоило им только подумать загода – и стало бы ясно, что ракета устремится именно во тьму.

Многим пришлось разделить судьбу Шахта незадолго до начала войны – режим уже просто не был способен «угомониться». Даже оставляя без внимания призрачные устремления

Гитлера, описанные в книге «Майн кампф», можно сказать, что его понятия о власти и престиже всецело покоились на вере в непрерывный успех. После ряда неожиданных удач – выхода из Лиги Наций (1933), ремилитаризации Рейнской области (1936) и аншлюса (насиленного присоединения) Австрии (1938) – Гитлер, чтобы снискать общественное одобрение, объявил плебисцит и, вполне предсказуемо, нашел широчайшую поддержку. В то время как посредственные политики тревожатся лишь о том, чтобы их переизбрали на второй срок, Гитлер больше всего заботился о том, как бы всеобщее восхищение режимом и любовь к отечеству не охладели. «На смену подъему приходят застой и бесплодие, – пояснил он в ноябре 1937 года, – и, как следствие, со временем неминуемо придут общественные беспорядки».

Значит ли это, что Гитлер планировал войну уже в 1930-х? Этот вопрос, несомненно, является самым спорным в истории нацистского государства тех лет. Предметом полемики чаще всего становится документ, известный как «протокол Хоссбаха»⁷. Полковник Фридрих Хоссбах, военный адъютант Гитлера, вел протокол заседания рейхсканцелярии от 5 ноября 1937 года, в котором принимали участие главнокомандующий военно-воздушными силами Герман Геринг, главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич и главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Эрих Редер, военный министр рейха фельдмаршал Вернер фон Бломберг и министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат.

Согласно записям Хоссбаха, Гитлер открыл собрание речью, напыщенной до крайности: «Фюрер с самого начала объявил: предмет настоящего обсуждения столь значителен, что в иных странах ему посвятили бы отдельное заседание кабинета министров в полном составе, но он, фюрер, решил не выносить этот вопрос на обсуждение более широкого круга членов рейхскабинета именно из-за его необычайной важности. К такому выводу фюрер пришел в итоге тщательных размышлений и четырех с половиной лет пребывания у власти. Он пожелал изложить присутствующим свои основные идеи касательно дальнейшего развития государства в сфере внешней политики и обусловленных ею требований, а также попросил, в случае его кончины, рассматривать эту речь как завещание и последнюю волю»¹³.

Уже в этих нескольких строках нам открывается истинное лицо Гитлера как политика: мы видим его недоверие к правительственным заседаниям, а также страх перед лицом преждевременной смерти, которая обманом отберет у него славу. Также видим: Гитлер считал себя одной из важнейших фигур во всемирной истории.

Как пишет далее Хоссбах, Гитлер сообщил, что, по его мнению, Германия не сможет поддерживать самообеспеченность, «учитывая запасы продовольствия и состояние экономики в целом», без расширения нынешних границ государства – рейху необходимо новое *Lebensraum*, пространство для жизни, искать которое нужно на территории Европы. Однако, ни словом не упоминалась кампания против России. Напротив, Гитлер планировал ввести войска на территорию Чехословакии не позднее 1943–1945 годов и присоединить Австрию, даже рискуя развязать войну с западными державами, поскольку после указанных сроков относительная сила Германии лишь пойдет на спад.

Во время Нюрнбергского процесса протокол Хоссбаха предстал в качестве доказательства того, что уже тогда у Гитлера имелся подробнейший план дальнейших захватнических действий. Разумеется, сложно согласиться с этими обвинениями, хотя бы потому, что Россия ни разу не упоминается в этом документе. Некоторые специалисты считают, что Гитлер намеренно не называл этой страны, чтобы «не встревожить слушателей»¹⁴. С другой стороны, историк А. Дж. П. Тейлор полагал, что протокол Хоссбаха излагает, по сути дела, «пустые мечтания, не имеющие касательства к тому, что последовало в действительности»¹⁵. По его мнению, данный документ – довольно спорная, «щекотливая тема». Однако недавнее изучение докумен-

⁷ Название протокола происходит от имени протоколиста, военного адъютанта Гитлера, полковника графа Фридриха Хоссбаха; само заседание в историографии также часто называется «совещанием Хоссбаха».

тов, недоступных Тейлору (например, полного корпуса дневников Геббельса), ясно свидетельствует: Гитлер прекрасно понимал, что мирным путем ему не получить желаемого. Но, даже не прочитав ничего, кроме полного текста протокола Хоссбаха, вряд ли примешь гитлеровскую речь за разглагольствования обычного пустого мечтателя. Нельзя сказать яснее и понятнее: «Цель германской политики – обеспечить безопасность расовому сообществу, сохранить его и умножить численно. Таким образом, речь идет о проблеме жизненного пространства... Для Германии вопрос стоит так: где возможно добиться наибольшей пользы с наименьшими усилиями? Германский вопрос разрешим лишь путем насилия, а этот путь неизменно сопрягается с риском». Протокол едва ли можно назвать «подробнейшим планом» военных действий, но агрессивные намерения по отношению к соседним государствам в нем совершенно очевидны. Настаивая на такой внешней политике, Гитлер ставил весь остальной мир перед очень простым выбором – капитулировать или сражаться.

В протоколе Хоссбаха зафиксировано еще одно важное политическое решение: в «истории любви» Германии и Англии теперь можно было смело ставить точку. На этом заседании Великобритании вместе с Францией рассматривались исключительно в качестве потенциальных противников, возможную реакцию которых на германскую агрессию необходимо было тщательно проанализировать. Риббентроп давно уже пытался настроить Гитлера против Великобритании и по-прежнему не оставлял своих попыток подтолкнуть его к разрыву дипломатических отношений с этой страной. В 1938 году он написал Гитлеру следующее: «Я уже долгие годы пытаюсь установить дружественные отношения с Англией; достижение этой заветной цели принесет мне ни с чем не сравнимое счастье. Прося фюрера отправить меня в Лондон, я скептически относился к будущей своей миссии. Все же, помня о симпатиях Эдуарда VIII, стоило сделать последнюю попытку. Теперь я больше не верю в то, что мы когда-нибудь придем ко взаимопониманию. Англия не желает, чтобы мы построили в относительной близости к ее границам могущественное государство, которое станет постоянной угрозой для Британских островов»¹⁶.

О прохладном отношении со стороны Англии Гитлеру сообщали и другие источники. Так, в 1937 году Карл Бем-Теттельбах сопровождал военного министра фельдмаршала фон Бломберга в поездке в Лондон на коронацию короля Георга VI. Германская делегация воспользовалась возможностью и устроила переговоры с ведущими британскими политиками. Бломберг позднее рассказал своему помощнику о том, насколько его разочаровали результаты обсуждения ряда вопросов с Болдуином, Чемберленом и Иденом. Последний показался Бломбергу особенно «недружелюбным». Но королевская семья произвела на них гораздо более приятное впечатление, даже несмотря на отсутствие на переговорах отрекшегося от престола Эдуарда VIII, печально известного своей особой благосклонностью к новому нацистскому режиму. На банкете в честь коронации, устроенном в Букингемском дворце, Бломберг удостоился чести сидеть за одним столом с королевской четой, которая всячески пыталась показать, как сильно дорожит дружбой с новой Германией. К сожалению германской делегации, политики страны придерживались иной точки зрения, о чем Бломберг и сообщил Гитлеру по прибытии в Берхтесгаден. Бем-Теттельбах следовал за Гитлером и Бломбергом на почтительном расстоянии во время долгой прогулки по горам, когда фельдмаршал сообщал фюреру дурные вести. По пути назад, в Берлин, Бем-Теттельбах спросил военного министра, что же Гитлер ответил, узнав о сложившейся ситуации. «Ничего», – просто ответил тот. Но вскоре после этого случая Гитлер выделил дополнительные ресурсы на укрепление армии, что, по мнению Бема-Теттельбаха, «было ответной реакцией на коронацию».

Бломберг, разумеется, также вошел в состав доверенных участников заседания Хоссбаха. В своих мемуарах Хоссбах писал, что ни Бломберг, ни Фрич, главнокомандующий сухопутными войсками, не выказывали особого энтузиазма по поводу намерений Гитлера: «Своим поведением Бломберг и Фрич ясно дали фюреру понять, что не стоит ждать от них аплодисментов

и одобрения – только взвешенных и объективных возражений. Уже тогда он понял, что оба его генерала откажутся принимать какое-либо участие в войне, которую мы собирались развязать»¹⁷.

Гитлеру не пришлось по нраву поведение этих двух офицеров. Уж очень резок был контраст между их разумными замечаниями и агрессивной непримиримостью Риббентропа. К несчастью для них, Гитлеру оказался более близок риббентроповский подход. По словам дипломата Рейнхарда Шпитци, Гитлер как-то заметил: «Мои генералы должны быть, как бультерьеры на цепи, они должны стремиться только к войне, войне, войне! А я должен лишь сдерживать их в случае необходимости. Но что же я вижу? Я хочу двигаться дальше, внедрять новую, сильную политику, а мои генералы пытаются остановить меня. Так не годится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.